

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

УДК 347.19

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-2-262-293

ЛЖЕКООПЕРАТИВЫ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВА

FICTIVE COOPERATIVES IN THE HISTORY OF RUSSIAN LAW

А.В. Габов

A.V. Gabov

Институт государства и права Российской академии наук,
Россия, 119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences,
10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russia

E-mail: andrey.gabov.00@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается история создания законодательства о противодействии лжекооперации в 20-гг. XX века в СССР. С использованием широкого круга источников (правовых, исторических и экономических исследований) проведена периодизация развития этого законодательства; показаны отличительные особенности государственной политики в отношении лжекооперации в каждом из выделенных исторических периодов. Исследование лжекооперации, правовой политики и практики государства в отношении лжекооперативов имеет не только большое познавательное значение, но и практическую пользу для нахождения правовых решений по противодействию созданию «фиктивных» юридических лиц в настоящее время.

Abstract

The article examines in detail the history of the legislation on counteraction to false cooperation in the 20th century in the USSR. With the use of a wide range of sources (legal, historical and economic studies), the periodization of the development of this legislation was carried out; the distinctive features of the state policy in relation to false cooperation in each of the selected historical periods were shown. The study of false cooperation, legal policy and practice of the state in relation to false cooperatives is not only of great cognitive importance, but also of practical use for the purpose of finding legal solutions to counter the creation of fictitious legal entities at the present time.

Ключевые слова: кооператив, лжекооператив, фиктивное юридическое лицо, НЭП.

Keywords: cooperative, false (fake) cooperativ, fictitious legal entity, new economic policy (NEP).

В последние годы для целей правового регулирования, в особенности для разграничения добросовестных и недобросовестных участников гражданского оборота – юридических лиц, часто используются такие понятия, как «фиктивное юридическое лицо», «лжепредприниматель», «лжефирма» и проч. слова, образованные присоединением приставки «лже» к словам, используемым для описания юридического лица. Несмотря на широкое проникновение указанной специфической лексики в правовой материал, каких-то

ясных критериев фиктивности (ложности) пока не выработано. Между тем, текущий период отечественной истории – не первый, когда соответствующие проблемы требуют правового решения, в связи с чем интересно посмотреть на исторические примеры соответствующих решений, в частности, на историю противодействия созданию и деятельности так называемых лжекооперативов.

В литературе понятие «лжекооперация» активно используется в работах периода 1917–1918 гг. [Злоказов, 1917; Антропов, 1918; Исаев, 1918; Меркулов, 1918]. Основной объем исследований этой темы в силу специфики общественного строя и социально-экономических отношений пришелся на 20–30-е гг. XX века (советский период истории).

В указанный период в СССР можно выделить работы экономистов [Белкин, 1926; Ларин, 1927; Фабричный, 1930], в том числе специалистов в области кооперации [Элькин, 1928; Фромметт, 1930]; работы общественно-политической направленности [Орлов, 1926]; правовые исследования [Поволоцкий, 1922; Мебель, 1922; Малченко, 1923; Ашкинезер, 1924; Генкин, 1924; Станиславский, 1924; Богаутдинов, 1925; Кондурушкин, 1927; Арсеньев, Галаган, 1929; Гордеев, 1929; Штейнберг, 1929; Добрынин, 1930; Оскарович, 1930; Громов, 1931], проблема лжекооперации рассматривалась в некоторых работах исследователей в эмиграции [Храневич, 1924].

В последующие годы наблюдается резкий спад активности исследователей; соответствующая тематика рассматривается чаще всего в исторических работах, посвященных периоду нэпа [Генкина, 1954], иногда упоминается в отдельных работах по праву.

Новый всплеск интереса к лжекооперации мы видим после начала социально-экономических реформ конца 80-х – начала 90-х гг. XX века, что было вызвано востребованностью идеи кооперации на начальном этапе реформ; на политическом уровне было провозглашено, что кооперация может «взять на себя функции, которые не обязательно должно выполнять государство, и тем способствовать нормализации и эффективному функционированию социалистического рынка» [Яковлев, 1990, с. 224], а также использованием кооперативов для совершения различных преступлений в сфере экономики.

Проблематика лжекооперации за последние 25 лет затрагивалась в работах, посвященных истории развития кооперации в России в 20–50-е гг. XX века [Алимпиева, 1996; Бунин, 1998; Чичулин, 1998; Демчик, 1999; Никонов, 1999; Николаев, 2000; Рассказова, 2000; Цыренов, 2000; Гребениченко, 2001; Бахтин, 2002; Осипов, 2002; Лейкина, 2004; Редькина, 2004; Царикаев, 2004; Егоров, 2005; Чемоданов, 2005; Ягов, 2005; Гаврилов, 2006; Суверов, 2006; Гусев, 2008; Панга, 2009; Тошева, 2008; Ягов, 2009; Сидорова, 2011; Твердюкова, 2011; Шанина, 2012].

Вопросы лжекооперации рассматривались в отдельных работах по экономике кооперации [Лебедев, 2000; Захаров, 2002].

В современной юридической литературе лжекооперация упоминается в работах, посвященных лжепредпринимательству, незаконному предпринимательству, теневой экономике [Досюкова, 1997; Привалов, 1998; Вагратьян, 2002; Деуленко, 2002; Новоселова, 2003; Маматханова, 2004; Беларева, 2005].

Оценивая современные источники по лжекооперации, следует обратить внимание на отсутствие специальных работ; в абсолютном большинстве исследований соответствующая тематика рассматривается очень кратко, реферативно; лишь в единичных диссертационных и монографических работах встречаются специальные структурные части, посвященные лжекооперативам [Ягов, 2009].

Переходя от обзора источников к содержательным вопросам лжекооперации, отметим следующее.

Понятие «лжекооператив» не встречается в отечественных исследованиях XIX века (именно в этом веке появились в мире первые кооперативы и были созданы первые кооперативные законы [Колоножников, 1923]); не используют его применительно к XIX веку и в более поздних исследованиях. Объяснение этого обстоятельства довольно простое: рос-

сийское дореволюционное право в тот период такого вида организаций, как кооперативы (кооперативные товарищества) не знало.

В отдельных работах по истории и теории кооперации понятие «кооператив» используется как обобщающее для различных артелей, товариществ и обществ, возможность создания которых предусматривало дореволюционное законодательство [Хейсин, 1915; Поволоцкий, 1922; Колоножников, 1923; Хейсин, 1926; Тотомиянц, 1961; Захаров, 2002; Файн, 2002]. Н.И. Зибер еще в 1869 г. в отношении потребительных обществ писал, что «ассоциация этого рода составляет в России новость только по своей европейской форме» [Зибер, 1869, с. 71], «артель – почти через сто лет писал В.Ф. Тотомиянц в указанной работе – это русское явление кооперации»; М. Хейсин [1926, с. 24] высказал мысль о том, что «первой в России теоретической оригинальной статьей по кооперации» признается статья Н.Г. Чернышевского 1859 г. «Капитал и труд» (отметим, что Н.Г. Чернышевский в этой работе слово «кооператив» не использовал, а говорил о «товариществах» [Чернышевский, 1987]).

С таким подходом вряд ли можно согласиться. Конечно, с экономической точки зрения, возможно, и есть основание экстраполировать отдельные представления о кооперации к явлениям прошлого (как отмечает В.Ф. Пекарский «кооперация, понимаемая по существу, возникла раньше, чем стало употребляться само слово «кооперация» [Пекарский, 1913, с. 3]). Однако для права такая экстраполяция, скорее вредна; да и в целом, как нам представляется, при таком подходе имеет место попытка искусственно «увеличить» продолжительность истории кооперативного движения в России, причем в результате этого утрачивается понимание специфики генезиса кооперации.

К.В. Кекуатов указывает, что впервые понятие «кооператив» встречается в отчетах по делопроизводству Государственного Совета за 1904 г., а в законах – только с 1915 г. (введено, как он пишет, в закон от 17 июня 1915 г. о порядке покупки для надобностей армии хлеба) [Кекуатов, 1915, с. 15].

В таком состоянии российского законодательства в сфере кооперации не было чего-то необычного в сравнении с иными правовыми порядками – кооперативное движение для всех было делом новым. С.Ф. Войцеховский в 1912 г. писал, что «в момент зарождения кооперативного движения – 60 лет тому назад – не могло быть и речи о кооперативном законодательстве, об установлении особых правил, регулирующих юридическое положение кооперативных товариществ, так как последние находились только в период производства опытов; юридическая природа их еще не выделилась из ряда других явлений экономической жизни» [Войцеховский, 1912, с. 3]. Исследуя определения различных законодательств того периода о кооперативных товариществах, он делал вывод о том, что «не существует устоявшегося взгляда на особенную природу кооперативного товарищества» [Войцеховский, 1912, с. 15].

Исследователи кооперации подчеркивали сложности выбора правовых форм, в которых необходимо было развивать новое явление социально-экономической жизни, указывали на необходимость учета специфики правового положения юридического лица, которое могло бы такую специфику учесть.

Говоря о специфике кооперативов, ученые традиционно подчеркивали если не полностью некапиталистический характер кооперативов (кооперативных товариществ), то, как минимум, значительное ограничение, ослабление в нем капиталистических элементов. Как отмечают современные исследователи, теоретики кооперации «выявили самое главное в кооперативном движении: противодействие людей натиску капитала» [Захаров, 2002, с. 23]; исследователи отмечали, что кооперация возникла «на почве борьбы труда с капиталом» [Пекарский, 1913, с. 7].

Объяснения экономического смысла кооперации давали многие ученые, но мы проиллюстрируем его на примере работы М.И. Туган-Барановского, который для описания природы кооперативов использовал такие слова: «если тело кооператива создано капитализмом, то душа кооператива вдохнута социалистическим идеалом» [Туган-Барановский, 1918, с. 61]. Если капитализм был создан стихийным развитием хозяйства,

естественным путем, писал он, то «кооперация была создана искусственно» и была результатом «влияния на капиталистическое общество социалистического идеала», «возникла в непосредственной связи с социалистическим движением» [Туган-Барановский, 1918, с. 2, 54]. Указывая на эту связь, М.И. Туган-Барановский, тем не менее, предостерегал от смешения кооперации с социализмом. Рассматривая отличие кооператива от примеров различных социалистических общин, он писал: если вторые требуют нового человека и рассчитаны для избранных, то кооператив «работает» с тем человеком, какой есть, поскольку (сходную мысль приводили и иные авторы [Тотомианц, 1918, с. 8]) «обращается не к общественному, религиозному или нравственному воодушевлению человека, но прежде всего к тому же мотиву, к которому обращается и капитализм – к личному эгоизму, хозяйственному интересу человека». Кооперативы – это хозяйственные предприятия, возникающие ради хозяйственных выгод их участников, подчеркивал он [Туган-Барановский, 1918, с. 56-57]. Основываясь на одних и тех же мотивационных элементах, кооператив, по его мнению, тем не менее, не становится капиталистическим предприятием: «к какому бы виду кооператива мы не обратились, везде, без всякого исключения, мы встречаем следующую характерную черту: кооператив в противоположность капиталистическому предприятию, не только не стремится к получению наибольшей прибыли на вложенный капитал, но стремится к обратному – возможному уменьшению капиталистической прибыли» [Туган-Барановский, 1918, с. 69]. Для иллюстрации соединения в модели кооператива капиталистического и социалистического М.И. Туган-Барановский использовал такую формулу: «эгоизм лежит в основе капитализма, альтруизм – социализма; кооперация соединяет эгоизм с альтруизмом в сознании солидарности общего и частного интересов» [Туган-Барановский, 1918, с. 92]. Исходя из своих исследований в области кооперации данный автор формулировал такое определение кооператива: «хозяйственное предприятие нескольких, добровольно соединившихся лиц, которое имеет своей целью не получение наибольшего барыша на затраченный капитал, но увеличение, благодаря общему ведению хозяйства, трудовых доходов своих членов или уменьшение их расходов на потребительные нужды» [Туган-Барановский, 1918, с. 93]. В других работах при всей разнице определения даются весьма схожие, разве что на кооперацию возлагаются еще и политические задачи: не просто «постепенное устранение капиталистической или спекулятивной прибыли» и «материальное и моральное улучшение положения членов», но и «замена капиталистического строя другим – более разумным и спокойным строем, который будет называться кооперативным» [Тотомианц, 1924, с. 5].

Соответствующие экономические воззрения на кооперацию, кооператив (несмотря на наличие различных теорий, дискуссий (к примеру, В.Ф. Тотомианц относительно отдельных идей М.И. Туган-Барановского о кооперации говорил не меньше как о «собственной, но фантастической теории кооперации» [Тотомианц, 1918, с. 3]), «оттенков» отдельных идей в экономической среде (подробный разбор различных теорий см. в работе Л.Е. Файна [Файн, 2002])) проникли и в работы правоведов.

И. Антропов [1918, с. 4] писал: «существо же социально-экономического понятия кооператива считается постановление в нем царя – капитала – в определенные рамки, низведение его до роли простого помощника новому грядущему царю – труду». Целью кооператива не было получение прибыли, кооператив не должен был, отмечал С.Ф. Войцеховский [1912, с. 48], служить «целям предпринимательской или коммерческой прибыли». Он подчеркивал: «цель кооперативного товарищества – различными средствами и способами улучшать материальные и нравственные условия жизни своих членов, причем материальные, хозяйственные задачи составляют главный предмет его деятельности, а нравственные, идеальные преследуются только в дополнение к главной цели» [Войцеховский, 1912, с. 8-9]; по его мнению, кооперативные товарищества по цели своей деятельности есть нечто среднее между торговым товариществом и общепользным обществом [там же].

Надо подчеркнуть, что цель была не единственным элементом, неразрывная совокупность которых образовывала идею кооператива; к числу таких элементов относили и специфику связи членов (превалирование личных элементов – кооператив не союз капитала, а союз лиц), свободу участия (этот момент особо подчеркивался в большинстве работ на фоне критики дореволюционного разрешительного порядка создания организаций, которые причисляли к кооперативам), открытость, переменность состава и капитала, ответственность и некоторое другое. П.М. Злоказов (а его работа, по большому счету была первой специальной работой, посвященной лжекооперации как явлению) для анализа отличий кооперативов и лжекооперативов использовал такое определение кооператива: «открытое и доступное для всех, добровольное, независимое и самоуправляющееся общество людей, устроенное для достижения общих всем членам хозяйственных (а наряду с ними также и культурно-просветительских) целей и основанное на началах равноправия и трудового сотрудничества участников» [Злоказов, 1917, с. 7]. Тем не менее, именно отклонение от цели в наиболее явной форме являлось причиной для предъявления к организации претензий, относительно лжекооперативного характера ее деятельности. Если организация переступала черту, и в ее деятельности явно начинали проглядывать по преимуществу капиталистические элементы – стремление получения прибыли, снижение такого личного элемента, как трудовое участие и проч. – то организация не признавалась кооперативной; если организация создавалась для решения иных целей, нежели тех, о которых указывалось в теоретических работах по кооперации с учетом обобщения ее практики («рочдельские принципы») для прикрытия эксплуатации рабочих, то такая организация не признавалась кооперативной.

Такое «превращение» могло отрицательно квалифицироваться без использования слова «лжекооперативность». К примеру, И.М. Подольский указывал в части отличий кредитных кооперативов и банков: «нельзя скрывать горькой правды – многие кредитные и ссудо-сберегательные т-ва у нас действительно превратились в денежные лавочки. Но такие прискорбные «превращения» есть лишь болезненное явление, с которым необходимо всячески бороться» [Подольский, 1915, с. 23]. И.М. Подольский издал свою работу в период, когда понятия «кооперативное товарищество», «кооператив» были вполне привычными; было разработано несколько проектов законов о кооперативных товариществах; существовали работы, в которых соответствующие тексты критиковались и сравнивались [Кекуатов, 1915; Хейсин, 1915]; прошло несколько общероссийских кооперативных съездов. Однако слова «лжекооператив» и производные от него автор не использовал. В других работах отклонения от целей создания и деятельности кооператива квалифицировали именно с использованием слова «лжекооператив». Масштаб таких отклонений был, по всей видимости, заметным, что объяснялось и причинами материальной заинтересованности в том числе. П.М. Злоказов, анализируя различные случаи проявления лжекооперативов, писал: «не трудно догадаться, чем руководятся новоявленные «кооператоры», открывая свой «кооперативный» поход в карман обывателя; выгода тут двойная – и материальная и моральная: укрылись чужим незамаренным флагом, да еще и от налогов избежались» [Злоказов, 1917, с. 7].

Говоря о ситуации с лжекооперативами до февральской революции надо подчеркнуть следующие важные выводы:

- законодательство не закрепляло понятие кооператива, не определяло его основные элементы, которые выделяли бы такую форму юридического лица (товарищества) от других, соответственно, не было возможности определить, что с правовой точки зрения является противоположностью кооператива, «маскируется» под него – лжекооперативом;
- именно в этот период появляется само понятие «лжекооператив», которое в последующем «приживется» в праве. Причины лжекооперативности системно не исследовались. Лишь по отдельным фрагментам, причем незначительным, можно понять, что могло служить причиной их появления (как явления) и как предмета для дискурса, в том числе,

научного. Работы П.М. Злоказова, М. Хейсина, С.Н. Прокоповича и др. исследователей показывают, что одной из причин могла стать попытка скрыть под новой формой эксплуатацию (пример с фабричными лавками и потребительными обществами [Прокопович, 1903; Хейсин, 1926]). У М. Хейсина [1926, с. 227] есть в работе эпизод, где он указывает в качестве одного из последствий начала Первой мировой войны в 1914 г. «наплыв» в кооперацию «укрывавшихся от воинской повинности», «разных дельцов, увидевших в кооперации арену для своей деятельности и наживы». С.Н. Прокопович в отношении предреволюционного периода пишет о «моде» на кооперацию и о том, что «целый ряд крупнейших капиталистических предприятий предполагалось облечь в кооперативную форму» [Прокопович, 1919, с. 6]. Однако наиболее важными причинами появления темы лжекооперации стали результаты исследований, в которых практические примеры деятельности организаций, претендующих быть кооперативами, сравнивались с т.н. кооперативными идеалами, «истинной кооперативностью» [Меркулов, 1918, с. 21];

– лжекооперативность являлась предметом порицания со стороны различных исследователей, указывающих на то, что она возникает в случае несоответствия деятельности организации, именующей себя кооперативом, кооперативным идеалам (так, как их формулировали в теоретических исследованиях, подчеркнем это), но не поводом для принятия каких-либо правовых решений, «отклонения кооперативных товариществ от кооперативных принципов» [Прокопович, 1919, с. 19]. Интересно отметить, что проявляются некоторые виды нарушений, которые в последующие периоды истории будут подводиться под явления лжекооперативности [Егоров, 2005]). Хорошо известна работа А.И. Васильчикова (которого в некоторых исследованиях называют одним из «пионеров кооперативного движения в России» [Файн, 2002, с. 277]). В ней он описал различные злоупотребления в ссудных товариществах, дающие основание сказать, что товарищества эти были таковыми только по названию, но не по содержанию. Т.е., как раз «маскировались» под разрешенную законом товарищескую деятельность, служа инструментом для решения иных задач для их участников («под фирмой ссудных товариществ происходит просто раздел сумм, ассигнуемых на первоначальный заем от земства или других источников» [Васильчиков, 1875, с. 5]). О другом примере «маскировки» в дореволюционный период упоминал в работе по истории кооперации советского периода М. Хейсин, говоря о «потребительных обществах», приходивших на смену фабричным лавкам в последней четверти XIX века, создаваемых по существу администрацией фабрик, писал, что они были «замаскированной формой эксплуатации», «замаскированными фабричными лавками» [Хейсин, 1926, с. 85-86]. Интересно, что ни тот, ни другой, слово «лжекооператив» для описания указанных примеров не используют (как не используют и иные понятия, как-то: «лжетоварищество», «лжеобщество», «лжеартель» и проч.).

После февральской революции ситуация значительно изменилась: новое правительство дало зеленый свет разработанным еще до революции проектам правовых актов о кооперации: постановлением Временного правительства от 20 марта 1917 г. «О кооперативных товариществах и их союзах» было утверждено Положение о кооперативных товариществах и их союзах (далее – Положение).

Статья 1 указанного Положения ввела общее определение кооперативного товарищества как «товарищества с переменным составом и капиталом, которое, действуя под особою фирмой, имеет целью содействовать материальному и духовному благосостоянию своих членов посредством совместной организации разного рода хозяйственных предприятий или труда своих членов».

Таким образом, в виде указанного определения появилась правовая основа для отделения кооперативов (кооперативных товариществ) от иных организаций. Отдельные авторы обращали внимание и на иные нормы этого документа, важные для отделения кооперативов от иных организаций. А.А. Исаев указывал на ст. 12, 24 и 35, которые: ограничивали наивысший размер прибыли, выплачиваемой на пай (не более 8 % на сумму пая), запрещали передачу пая, а также устанавливали принцип голосования «один член – один

голос». По его мнению, «эти статьи нового закона, отражающие собой идеи кооперации в смысле объединения в ней не капиталов ради получения прибыли по ним, а лиц в целях наилучшего самообеспечения материальными и духовными благами современной культуры, поставлены своим острием в разрез тому, чтобы под видом кооперативов учреждались капиталистические предприятия» [Исаев, 1918, с. 8].

На этот момент – определенность в терминологии в Положении – обращали внимание исследователи советского периода, отмечая его как положительный. В.Р. Малченко в 1923 г. писал: «Нельзя (вернее – вредно во всех отношениях) называть разные вещи одним и тем же именем. Единство терминологии имеет не только теоретическое, но и практическое значение и удобство. Если не будет единого определения природы кооперации, в таком случае, что именно нужно трактовать лжекооперацией? А ведь борьба с последней непрерывно ведется. Если не будет указано в законе основных очертаний кооперативного объединения, оперирования, поведения, координирования и т.п., то в чем же можно обвинять "нарушителей кооперативизма"?» [Малченко, 1923, с. 35]. Впрочем, нельзя не сказать и о другой позиции – критике указанного определения именно с точки зрения содержательных отличий кооперативного товарищества, которая высказывалась еще в момент обсуждения проекта [Дорошенко, 1916]; отмечалось, что предлагавшееся определение не точно и под него могут попадать «товарищества не кооперативного характера» [Дорошенко, 1916, с. 29]. Отметим при этом, что Положение не использовало понятия «лжекооператив», равно как и не содержало никаких предписаний относительно противодействия созданию организаций, лишь формально соответствующих документам, но в реальности кооперативами не являющихся.

Интересны комментарии к этому документу, сделанные как в период его фактического действия (1918 г.), так и уже в советский период (в том числе в эмигрантских работах). В большинстве из них подчеркивались недопустимость «искажения кооперативных начал», превращение кооператива «в лавочку» [Анцыферов, 1917, с. 13], необходимость противодействовать тому, чтобы «под видом кооперативов учреждались капиталистические предприятия» [Исаев, 1918, с. 8]. Для таких случаев и использовали слово «лжекооператив». Приведем фрагмент из работы И. Антропова 1918 г.: «хозяйственной целью кооператива было поднятие материального благосостояния его членов, но отнюдь не получением наивысших капиталистических барышей, а другими способами. Кооперативы, где эта цель ставилась сначала или постепенно во главу угла, изначала были или постепенно вырождались в лже-кооперативы, в капиталистические предприятия, лишь драпирующиеся в кооперативную тогу» [Антропов, 1918, с. 6].

Впервые в исследованиях появляются предложения по возможным правовым решениям борьбы с лжекооперацией. А.А. Исаев писал, что одним из способов противодействия будет деятельность кооперативных съездов, кроме этого он высказывал такой прогноз: «в будущем возможно дополнение кооперативного законодательства представлением кооперативным учреждениям иска о закрытии таких лжекооперативов» [Исаев, 1918, с. 9]. В его работе приводится весьма любопытный документ – Резолюции первого Всероссийского кооперативного юридического съезда, состоявшегося в феврале 1918 г. в г. Москве [Исаев, 1918, с. 175-176]. В первой резолюции мы видим следующие предлагаемые решения для противодействия созданию лжекооперативов, хотя и без использования самого этого понятия:

– при регистрации судам «руководствоваться не только внешними формальными признаками кооперативного товарищества, но и его экономической природой и исторически сложившимся его социальным содержанием, отказывая в регистрации капиталистическим товариществам, скрывающимся под внешней формой кооператива»;

– «в целях борьбы с использованием кооперативных законов... товариществами капиталистического характера: 1) предоставить Совету Всероссийских Кооперативных Съездов или местным Советам по постановлению Совета Всероссийских Кооперативных Съездов право иска о закрытии зарегистрированных кооперативов, не удовлетворяющих

требованиям законов 20 марта и 21 июня 1917 г.; 2) внести в совет регистрационных отделений окружных судов представителей от кооперации, избираемых съездами кооперативных учреждений»;

– опубликование в печати списков «товариществ капиталистического характера», недопущения их в число членов кооперативных союзов.

И, тем не менее, именно принятие Положения, по мнению некоторых авторов, через изменение порядка регистрации и деятельность кооперативных союзов, привело к расцвету лжекооперативов. К. Храневич уже в эмиграции (в Праге в 1924 г.) относительно периода 1917–1919 гг. указывал на значительное число критических замечаний: «кооперация сошла со своего традиционного, завещанного ее основоположниками, правильного пути; она бросилась за наживой, увлеклась спекуляцией, усвоила наихудшие приемы частно-торгового и промышленного аппарата... Кооперация выродилась в лжекооперацию» [Храневич. Книга II, 1924; с. 17]. Даже возражая этим критическим замечаниям, он вынужден был признать, что «появление в 1917–18 г.г. многих организаций, присвоивших себе кооперативную фирму на основании явочного порядка открытия кооперативов, есть факт, не подлежащий никакому сомнению» [Храневич. Книга II, 1924; с. 18]. Думается, что здесь сыграла роль и отмеченная выше критиками неточность определения кооперативного товарищества; впрочем, нельзя не сказать, что те же самые критики задачу – «дать определение "истинному" кооперативу, совпадающее с требованиями идеалистической кооперативной теории и отграничивающее "чистое" кооперативное товарищество от "нечистых" "капиталистических" товариществ» – сравнивали с «квадратурой круга» [Дорошенко, 1916, с. 1].

Изменения, внесенные в социально-экономическую жизнь Октябрьской революцией 1917 г., затронули как кооперацию в целом, так и отразились на понимании такого явления как лжекооперация.

У новой власти были свои собственные воззрения на роль и значение кооперативов в экономике и жизни общества в целом. Отметим, что критики советской власти в части ее политики в отношении кооперативов в первые годы отмечали «осторожность», проведение «долгой, извилистой политики, полной недосказанностей», первоначальное «попечительское отношение» к кооперации [Храневич. Книга I, 1924; с. 24-26]; непоследовательность политики первых месяцев и лет в отношении кооперации отмечалась и советскими историками кооперации [Хейсин, 1926, с. 245]. Подоплеку такого отношения К. Храневич видел в том, что новая власть решила использовать систему кооперации для создания нового строя. Кооперация, прежде всего, потребительская, «встраивалась» в единый государственный механизм.

В политических документах говорилось о необходимости «перехода от мелкобуржуазных кооперативов старого, капиталистического типа к потребительным коммунам, руководимым пролетариями и полупролетариями» (резолюция VIII съезд РКП(б) (18–23 марта 1919 г. [КПСС в резолюциях..., 1970а, с. 55])). В резолюциях указанного съезда указывалась и такая цель: «чтобы все население охватывалось кооперативами и чтобы эти кооперативы сливались в единый сверху донизу охватывающий всю Советскую республику кооператив» [там же]. В резолюции IX съезда РКП(б) (29 марта – 5 апреля 1920 г.) «Об отношении к кооперации» в части сельскохозяйственной и промысловой кооперации говорилось о необходимости ее «реорганизации... из более узкой формы объединения отдельных привилегированных групп населения... в новые кооперативные формы, отвечающие хозяйственным и политическим условиям диктатуры пролетариата и могущие в дальнейшем послужить основой организации снабжения населения на коммунистических началах» [КПСС в резолюциях..., 1970а, с. 171]. Идеологи (Н.И. Бухарин в 1920 г.) называли кооперативы организациями рабочего класса, которые трансформируются «из орудия борьбы с торговым посредничеством в одну из организаций общераспределительного государственного аппарата» [Бухарин, 1989, с. 109–110]. Представление о том, какие аргументы использовались советской властью в спорах со «старыми коопера-

торами», дает статья «Советское право и кооперация», где объясняются ошибки «старых кооператоров» и говорится о кооперации, не как о «государстве в государстве» (взгляд «старых кооператоров»), а как об «одном из рычагов народного хозяйства в целом» [Советское право и кооперация, 1924. с. 207-208].

По существу, новая власть лишь использовала понятие «кооперация» для наполнения его новым смыслом, который (отказ от добровольности, к примеру), означал, что под именем кооперативов создаются некапиталистические, но в классическом (экономическом) понимании не в полной мере (если не сказать больше) кооперативные организации. В.Ф. Тотомианц приводит по этому поводу мнение Варбасса о том, что «русский коммунизм стал настоящей трагедией для кооперативного движения». «Его идея – продолжает В.Ф. Тотомианц, – находится в полном противоречии с кооперативной доктриной, как ее нам завещали великие вожди и основатели кооперативной организации» [Тотомианц, 1961, с. 104]. Если отвлечься от идеологических диспутов и рассмотреть указанный вариант советской кооперации с точки зрения целей настоящего исследования, то очевидно, что перед нами (исходя из кооперативных идей дореволюционного периода) классический пример лжекооперации. Ведь, как верно отмечают исследователи, этот классический взгляд на кооперацию рассматривал ее как исключительно «суверенное, независимое от государственных и иных структур общественно-экономическое явление» [Захаров, 2002, с. 22], «свободный союз лиц» [Тотомианц, 1924, с. 5].

Впрочем, оправдывая ранние советские «экзерсисы» с кооперацией, нельзя не сказать, что она в тот период только «нащупывала» свое место как самостоятельный экономический феномен; и до революции говорилось о том, что «кооперация находится еще в периоде роста, формы ее не кристаллизировались» [Дорошенко, 1916, с. 2], что теория кооперации «почти еще и не существует», «не существует ничего похожего на общепринятое определение сущности кооператива» [Туган-Барановский, 1914, с. 3]. И после нее советские исследователи подчеркивали, что «кооперативной теорией до сих пор не установлено понятие кооперация» [Хижняков, 1925, с. 30], что проделанные опыты теоретиками кооперации на предмет выявления норм, которые бы позволили «без труда отличить кооперативную организацию от всякой другой» большого успеха не имели [Гречка, 1924, с. 211]. Очевидно и то, что «провоцировал» подобные эксперименты генезис кооперации, очевидная ее связь с идеями социализма, о чем писали многие исследователи (М. Туган-Барановский, Б. Фромметт, А. Николаев, К. Пажитнов и мн. др.). На этом фоне примечательно мнение М. Хейсина, который для целей исследования истории кооперации в России выделял в качестве самостоятельного периода - «кооперацию социалистического периода» (помимо кооперации докапиталистического и кооперации капиталистического периода) [Хейсин, 1926, с. 13].

Понятно, что при таком подходе советской власти к кооперации вопросом времени было противодействие со стороны власти иной кооперации, не вписывающейся в новые политические условия. В 1919 г. появляется декрет СНК РСФСР «О перерегистрации производственных артелей, промысловых кооперативов, товариществ, союзов и всякого рода кустарных объединений и о праве участия в них».

Для целей настоящего исследования этот документ интересен преамбулой: «вследствие того, что под видом производственных артелей, промысловых кооперативов, товариществ, союзов и всякого рода кустарных объединений за последнее время зарегистрированы некоторые явно эксплуататорские организации, назначается срочный пересмотр права на существование всех указанных объединений, зарегистрированных после 1 января 1918 г., и вводятся указанные ниже правила, обязательные при регистрации вышеуказанных объединений».

Из текста видно: государство в борьбе с частными (капиталистическими) элементами в экономике (О.В. Ягов, говоря об общеполитических целях этого документа, пишет: «издавая этот документ, власть стремилась перекрыть канал объединения кустарей с част-

ным капиталом, оторвать от его влияния кооперативное движение» [Ягов, 2009, с. 313]) вновь обратило внимание на проблему существования лжекооперативов.

И, хотя, подчеркнем это, слово «лжекооператив» и производные от него в документе не использовались, тем не менее, исследователи того периода однозначно указывали, что документ был направлен именно на борьбу с лжекооперативными организациями» [Мебель, 1922; Поволоцкий, 1922]. Поволоцкий отмечал, что лжекооперативность возникла при попытках обхода декретов о национализации промышленности: «требование о перерегистрации находит себе объяснение в том, что вследствие национализации частной промышленности, владельцы этих предприятий, как это обычно бывает при отсутствии легальных форм для проявления частной инициативы, стремились к обходу распоряжений о национализации и избирали себе защитную форму – кооперативной организации, прикрывая этим свои мастерские. Принимая кооперативную форму с уставом артели, эти артели являлись по существу организациями частно-капиталистическими. В период 1918–1920 гг. возникало действительно большое число этих так называемых лже-кооперативов» [Поволоцкий, 1922, с. 29].

Интересно отметить тенденцию, которая получит свое развитие в более позднем законодательстве: квалификация кооператива как «эксплуататорского» стала связываться с личностью участников кооператива и членов его органов управления (правления). В частности, в указанном декрете были обозначены категории лиц, которые не могут быть членами указанных кооперативов как в силу принадлежности к прежней власти и частному капиталу, так и в силу занятия должности в советских предприятиях и учреждениях.

Существенно ужесточились и меры реагирования государства.

Согласно декрету, если лица, которым было запрещено участие в кооперативах, обнаруживались при проверке, то (ст. 5) предлагалось ликвидировать организацию (с возможностью предварительной ревизии). Отдельным организациям примечание к декрету давало возможность «исцеления» – продолжение существования в качестве «некорпоративного предприятия», но «с условием введения в состав их правления представителей государства».

Лицам, которым было воспрещено участие в кооперативах, давался срок для выхода из них; для лиц, которым воспрещено участие в кооперативах, факт вступления в кооперативы таких лиц означал для них риск привлечения к уголовной ответственности: «лица, противозаконно вступающие в члены перечисленных... объединений..., подвергаются конфискации всего имущества и принудительным работам, с лишением свободы на срок не менее года».

Данный документ впервые ввел уголовную ответственность в связи с существованием и деятельностью лжекооперативов. В целом, в части ответственности, надо сказать, что этот документ положил начало подходу к противодействию лжекооперации, который впоследствии будет реализован в иных актах: одновременное сочетание административных (ревизия), фискальных, гражданско-правовых (ликвидация) и уголовно-правовых мер противодействия лжекооперации.

Отметим, что в этот период понятие «лжекооперативные элементы» встречается в документах ВСНХ как раз в связи с введением определенных ограничений для занятия руководящих должностей в кооперативах лицами отдельных категорий [Бунин, 1998]. В диссертационных исследованиях по отечественной истории неоднократно приводятся различные материалы периода 1918–1920 гг., где используются выражения типа «печальная картина расцвета лжекооперации» [Рассказова, 2000; Тошева, 2008].

Иные декреты советской власти в период 1919–1920 гг. в отношении потребительской кооперации (декрет СНК РСФСР от 16 марта 1919 г. «О потребительских коммунах»), кооперации в целом (декреты СНК РСФСР: от 27 января 1920 г. «Об объединении всех видов кооперативных организаций», от 19 апреля 1920 г. «О сельскохозяйственных и промысловых кооперативных организациях») должны были решить проблему лжекооперации довольно радикально: по существу отменой кооперации как таковой, с ее полным

«встраиванием» в единый государственный механизм. Планировали и более масштабные преобразования. Как отмечают историки, «иллюзия прочности и перспективности результатов "военного коммунизма" породила попытку полного огосударствления промысловой кооперации. Главкустпром в начале 1921 г. разработал проект декрета, согласно которого вся промысловая кооперация должна была превратиться в его производственный аппарат, работающий исключительно по заданиям» [Егоров, 2005, с. 221]. Впрочем, планы эти остались только на бумаге, а исследователи приводят в качестве последствий указанных декретов и обратную тенденцию: вырождение кооперативов, предоставленных самим себе, «в лжекооперативные организации, ничего общего с кооперацией не имевшие» [Бунин, 1998, с. 158–159].

С переходом в 1921 г. к новой экономической политике изменяется политика в отношении кооперации в целом и ее отдельных частей. Десятый съезд РКП(б) отменяет более ранние резолюции о кооперации и указывает на необходимость выработать постановления, «которые бы улучшали и развивали строение и деятельность кооперативов в согласии с программой РКП» [КПСС в резолюциях..., 1970а, с. 258]; в партийных документах (к примеру, см. резолюции X Всероссийской конференции РКП(б) (26–28 мая 1921 г.)) кооперация называется «основным аппаратом для проведения товарообмена», указывается на всяческую ее поддержку [КПСС в резолюциях..., 1970а, с. 268–269]. В указанный год издается несколько декретов, которые существенно либерализуют возможности для создания и деятельности различных кооперативов, причем до такой степени, что это дает некоторым исследователям основания для вывода о преимуществе частно-правового характера кооперативных организаций [Поволоцкий, 1922, с. 55]. Если посмотреть определения кооперации, которые давали исследователи, то и вовсе могла сложиться благостная картина едва ли не к возврату к классическим идеям кооперации [Хижняков, 1925, с. 32].

Однако характеристика кооперативов как частноправовых организаций, построенных на добровольных началах, в новой реальности едва ли могла долго сохраняться; в той или иной форме на политическом уровне государство довольно быстро вновь стало «наполнять» кооперативное строительство идеологической составляющей (см.: резолюции о кооперации XII Всероссийской конференции РКП(б) (4–7 августа 1922 г.) [КПСС в резолюциях..., 1970а, с. 386–389].

В реальности кооперация, кооперативы в политических документах, нормативных актах и доктрине рассматривалась в период после 1921 г. по большей части как средство борьбы с частным капиталом в хозяйстве (см., к примеру, материалы XIII съезда РКП (б) (23–31 мая 1924 г.) [КПСС в резолюциях..., 1970б, с. 66–86]; материалы XV съезда ВКП(б) (2–19 декабря 1927 г.) [КПСС в резолюциях..., 1970в, с. 12–74] и мн. др. источников); как средство «вытеснения с рынка частного торговца» [В Главкооперкоме. Кооперативный Кодекс УССР, 1924, с. 388].

Со временем и в работах, в том числе правового характера, стала проводиться мысль о том, что в советской действительности кооперативы не должны рассматриваться как частноправовые организации. Приведем только несколько выдержек. Е. Штандель в работе 1923 г. относительно природы кооперации высказывает следующую мысль: «Советская власть, отвергнув прежнее представление о кооперации как о системе частноправовых отношений, признала за кооперацией общественное значение, возложив на нее осуществление социальных функций, имеющих общественно-полезное значение, в выполнении которых заинтересованы все граждане государства. Кооперация, благодаря этому, приобщилась к осуществлению государственных задач, и, таким образом, наметилось объединение государственных и кооперативных идей во имя достижения общественно-государственных идеалов» [Штандель, 1923, с. 128]. Юр. Яворский в работе 1925 г. писал (напомним, нэп еще никто не отменял, и нет даже «всполохов» радикального поворота курса): «В советских же условиях кооперация становится революционным оружием пролетариата и крестьянства и потому неизбежно противостоит частному капиталу, частной собственности» [Яворский, 1925, с. 325]. А. Карасс в работе того же года применительно к

потребительской кооперации отмечал, что «на последнюю возлагается совершенно определенная политическая задача – вытеснить по возможности, частный торговый капитал с тех позиций, которые ему удалось захватить в первые годы НЭПа» [Карасс, 1925, с. 258].

Всячески подчеркивалась особая роль кооперативов при советской власти. В.И. Ленин в 1923 г. в работе «О кооперации» отмечал предельно определенно: при условии максимального кооперирования населения само собой достигает цели тот социализм, который ранее вызывал законные насмешки, улыбку, пренебрежительное отношение...»; он подчеркивал, что в кооперации нашлась «та степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов» [Ленин, 1969, с. 711, 712].

Таким образом, кооператив был политически назван «своим» для социализма. Это отразилось и в правовой сфере. П.И. Стучка отмечал, «кооператив при соввласти пользуется, по сравнению с "частником", привилегированным положением, почти равным положению государственных учреждений и предприятий» [Стучка, 1929, с. 110]. Такое сравнение нельзя назвать преувеличением – оно имело и весьма прочную материальную основу: более мягкий фискальный режим по сравнению с действительно частнокапиталистическими предприятиями, а также иные льготы (к примеру, как отмечается, «в области принятия в аренду и получения в собственность промышленных предприятий» [Брагинский, 1927, с. 1425]). О необходимости таких льгот писал в указанной работе В.И. Ленин, отмечая, что «надо поставить кооперацию политически так, чтобы не только кооперация вообще и всегда имела известную льготу, но чтобы эта льгота была чисто имущественной льготой...» [Ленин, 1969, с. 713]. Соответствующие политические идеи были в достаточной степени реализованы на практике. Уже в декрете ВЦИК и СНК от 7 июля 1921 г. «О промысловой кооперации» говорится о необходимости всем органам государственной власти «оказывать содействие кустарям в деле их кооперирования» (п. 6) и указываются весьма конкретные преференции соответствующим кооперативам; в части сравнения налоговых режимов кооперативов и частных предприятий в те годы исследователи ([Ягов, 2009, с. 314]) отмечают кратную разницу (о налоговых льготах для кооперативов также см.: [Поволоцкий, 1922, с. 138-149; Озерцовский, 1927, с. 218-222]).

Именно наличие существенных налоговых и иных льгот для кооперативов стало одним из факторов расцвета лжекооперации в новых экономических условиях. Ю.С. Ашкинезер в 1924 г. отмечал: «Советская власть в отношении кооперации, для более успешной борьбы ее с частным капиталом и рынком, установила целый ряд льгот (налоговых, жилищных и проч.). На этой почве нередко наблюдаются случаи, когда объединения, ничего общего с кооперацией не имеющие, принимают защитный кооперативный цвет, регистрируют свои уставы в кооперативном порядке и, вообще, выдают себя за "настоящие" кооперативы» [Ашкинезер, 1924, с. 209]. Об этом же пишет М. Хейсин в части кустарно-промысловой кооперации: «для артелей устанавливались некоторые льготы... Эти благоприятные условия и послужили мотивом для широкого развития артелей и лжеартелей, так как предприниматели нередко придавали своему заведению с наемным трудом артельную форму» [Хейсин, 1926, с. 347]. Хорошо известны слова Ю. Ларина, весьма ярко характеризующие состояние дел с лжекооперацией в 20-е гг. в самой проблемной области кооперации – промысловой: «Если в чем-нибудь наша страна чувствует недостаток, то не в отсутствии примеров того, что промысловая кооперация весьма часто является лжекооперацией. Таких примеров имеется сколь угодно» [Ларин, 1927, с. 114]. Целый ряд исследователей, как 20-х гг. [Кондурушкин, 1927], так и современных, указывают на множественные конкретные примеры использования льгот для кооперативов т.н. лжекооперативами [Бахтин, 2002].

Вторым фактором (но не по значению, надо отметить) стала политика и действия в ее реализации по давлению на частный сектор экономики. Такое давление происходило двумя путями: ужесточение налогового режима и контроль за искоренением или сниже-

нием частных элементов (к примеру, использование наемного труда). Эту тенденцию отмечали уже в работах 20-х гг. [Ларин, 1927; Фабричный, 1930]. Указывается на это и в работах современных исследователей (историков, экономистов): рост числа лжекооперативов был ответной реакцией на налоговый прессинг, вытеснение частного капитала из зоны легального предпринимательства [Лебедев, 2000; Егоров, 2005; Ягов, 2009]; отдельные исследователи указывают, что посредством налогообложения изымалось до 90 % доходов частных предпринимателей [Ягов, 2009, с. 314]. Именно этот прессинг привел к «оттоку частного капитала с легального рынка», а этот отток, в свою очередь, уже к росту лжекооперативов, теневой экономики, использованию нелегальных форм предпринимательской деятельности [Демчик, 1999; Рассказова, 2000; Гребениченко, 2001; Ягов, 2009].

В числе способствовавших созданию лжекооперативов факторов в разные годы исследователи также указывали следующее:

– невключенность кооперативов в союзы или наличие т.н. «диких» кооперативов [Элькинд, 1928] (отметим, что некоторые авторы и в тот период и в настоящее время указывают, что «дикие» кооперативы – это были всегда (или чаще всего) лжекооперативы [Белкин, 1926, с. 23; Твердюкова, 2011, с. 403]); реальная картина включения кооперативов в единую систему кооперации в целом была довольно печальна для периода 20-х гг., что без каких-либо «прикрас» отмечали современники [Фромметт, 1930, с. 32];

– организационную и хозяйственную слабость кооперативных союзов [Ягов, 2009, с. 33]; возможность «установления прямых связей государственных органов и потребительской кооперации с низовыми артелями, минуя промысловый союз» [Цыренов, 2000, с. 86, 137];

– недостатки в правовом регулировании разного свойства («закон не устанавливает форм кулспромобъединений» [Станиславский, 1924, с. 219], регулирование «процесса получения товаров из госорганов» [Элькинд, 1928, с. 9] и др. [Ягов, 2009, с. 316]);

– «невнимательность и халатность при регистрации и оформлении товариществ»; «недостаточность работы органов фиска»; «слабость работы кредбюро» [Элькинд, 1928, с. 9] и др.

Как видно, перечень факторов более чем «пестрый», разношерстный, и при этом, как думается, первые два фактора (льготы и давление на частный бизнес) были основными для объяснения роста лжекооперативов. Если бы не идеологическая установка государства на борьбу с «частником», то вряд ли в конце 20-х гг. возникли столь жесткие меры борьбы с лжекооперативами, равно как их соответствующие определения (см. ниже), а явление лжекооперативности явно имело бы у историков и экономистов другие оценки с точки зрения его распространения. Отметим, что уже в 1927 г. Ю. Ларин в своем обстоятельном исследовании называл такие цифры по «производственной промысловой кооперации»: лжекооперативы составляли от двух третей до 80 % [Ларин, 1927, с. 117–118] (Ю. Ларин брал за основу для расчетов наименьшую цифру – две трети, однако во многих современных исследованиях чаще всего приводятся именно данные о 80 % [Демчик, 1999, с. 208; Бахтин, 2002, с. 71 и др.]); некоторые современные авторы для оценки процессов камуфлирования частных предприятий под кооперативы используют выражение «эпидемический характер» [Лебедев, 2000, с. 45].

Рассмотрев факторы, способствовавшие лжекооперации, посмотрим, что понималось под лжекооперацией после 1921 г. и какие формы такая лжекооперация принимала.

Понятие «лжекооператив», которое активно использовалось на протяжении 20-х гг. в документах политико-правового характера, в публицистических работах и научных исследованиях, долгое время не имело определенного нормативного содержания. В него вкладывался часто совершенно различный смысл; было понятно, что лжекооперативность в самом общем виде обозначает попытку выдать организацию за кооператив при том, что на самом деле она кооперативом была только на бумаге. Однако относительно конкретных признаков лжекооперативности общего понимания не было. Это

хорошо видно из фрагментов отдельных работ. К примеру, П.Я. Станиславский писал, что нарушение законов «не всегда является признаком лжекооперативности» [Станиславский, 1924, с. 221]. Эта мысль, высказанная в 1924 г., показывает, что исследователи пытались градуировать различные нарушения; с течением времени сложится понимание того, что необходимо различать собственно лжекооперацию как «замаскированное частное предприятие», так и «настоящие кооперативы, лишь зараженные некоторыми лжекооперативными уклонами» [Добрынин, 1930, с. 177-178, 183], но граница в реальности все равно никогда не была определенной.

Между тем, при отсутствии легального определения и вплоть до его появления в 1928 г., на политико-правовом уровне неоднократно формулировались задачи противодействия лжекооперации. К примеру:

– в резолюции XIV Конференции РКП (б) (27–29 апреля 1925 г.) в части промышленной кооперации ставилась задача «бороться с возникновением лжекооперативов» [КПСС в резолюциях..., 1970б, с. 198];

– в резолюции XV съезда ВКП (б) (2–19 декабря 1927 г.) было отмечено: «всемерно поддерживая расширение сети бедняцко-среднецацких товариществ... повести решительную борьбу против лжетовариществ (и лжекооперативов вообще), обыкновенно служащих прикрытием кулацких элементов в деле получения незаконным путем всякого рода льгот по кредиту, снабжению и пр.» [КПСС в резолюциях..., 1970в, с. 66].

Откликались на эти задачи и правоохранительные и контролирующие органы, принимались централизованные решения о проверке кооперативов для выявления лжекооперативов. К примеру, такие решения принимались в 1923 г. [Панга, 2008, с. 92; Ягов, 2009, с. 322 и др.] и 1928 г. [Чичулин, 1998, с. 137]; можно встретить в те годы и указания, как действовать в случае выявления признаков лжекооперативов [Проверка кооперативного характера организаций, 1926, с. 1051]; встречаются указания на позитивные результаты борьбы с лжекооперативами. Так, «Еженедельник Советской Юстиции» в 1925 г. писал о «положительных результатах» по выявлению и ликвидации лжекооперативов [Богаутдинов, 1925, с. 1335].

Интересно, что в отдельных актах различные нарушения, которые на практике назывались как признаки лжекооператива, обозначались, однако слово «лжекооператив» в них не использовалось. Так, в декрете СНК РСФСР от 26 сентября 1922 г. «Об охране труда и обеспечении прав лиц, работающих в промысловых кооперативных предприятиях» находим такой признак: применение с целью извлечения прибыли в промышленном товариществе или артели труда наемных рабочих в скрытой форме под видом труда членов. Впрочем, неиспользование слова «лжекооператив» в самом акте вполне восполнялось комментариями. К примеру, в 1923 г. В.И. Сливичкий, комментируя ГК УССР в части притворной сделки, писал: «Особенно распространенный вид притворных сделок в настоящее время – это облечение трудовых отношений (найма рабочей силы) в форму промышленного товарищества или артели. Такого рода товарищества и артели, в которых в скрытой форме под видом труда членов применяется с целью извлечения прибыли труд наемных рабочих, должны быть признаны лжекооперативными» [Гражданский кодекс советских республик, 1923, с. 46].

При отсутствии нормативных актов, в которых давались определения лжекооперации, попытки сформулировать ее критерии делались на уровне органов, осуществлявших объединение кооперативов. В 1927 г. в заметке «Борьба с лжекооперативами» в «Еженедельнике Советской Юстиции» указывалось, что «лжекооперативы характеризуются преобладанием в их составе лиц, живущих на нетрудовые доходы, принадлежностью оборудования кооператива одному из членов его, высокой нормой наемного труда» [Борьба с лжекооперативами, 1927, с. 1004]. Далее отмечалось, что «к моментам, ослабляющим общественный характер кооперативных организаций и создающим почву для лжекооперативных уклонов, ЦКС (Центральный кооперативный совет – прим. авт.) относит: "наличие в органах управления и контроля кооперативов близких между собой

родственников; покупка товаров и сырья на частном рынке; перепродажа товаров, предназначенных для членов, на рынок; развитие работы кооперативов вне установленного района деятельности; плохая постановка отчетности, дающая возможность сокрытия оборотов и финансового состояния кооператива; уклонение от мероприятий по вовлечению бедноты в кооператив"». Как видим, перечень критериев лжекооперативности был довольно широким.

Отдельные авторы [Алимпиева, 1996] полагают, что борьбе с лжекооперативами было посвящено и постановление ЦИК и СНК СССР от 11 мая 1927 г. – «Положение о промысловой кооперации», которое среди прочего (п. 35) предусматривало прекращение промыслового кооператива в случае «уклонения организации от указанных в уставе целей или уклонения ее деятельности в сторону, противную интересам государства» (отметим, что слова «лжекооператив», «лжекооперация» и проч., документ не использовал).

Первое общее определение лжекооперации на уровне закона (и строго говоря, первое в российской истории права такое определение) появляется в постановлении СНК СССР от 28 декабря 1928 г. «О мерах по борьбе с лжекооперативами». В развитие этого документа было принято постановление СНК РСФСР от 27 марта 1929 г. «О мерах борьбы с лжекооперативами».

В преамбуле союзного документа лжекооперативы были названы «орудием и прикрытием их эксплуататорской деятельности» капиталистических (кулацких) элементов, а их определение было дано в п. 1.

Под лжекооперативами понимались как входящие, так и не входящие в кооперативную систему кооперативы при следующих условиях:

- если в числе их учредителей или членов выборных органов участвуют лица, которым это воспрещено законом, или
- если в них преобладающее влияние имеют капиталистические (кулацкие) элементы, использующие кооперативную форму в своих классовых целях, или
- если деятельность их уклоняется в сторону, противную интересам социалистического строительства.

Постановление СНК РСФСР от 27 марта 1929 г. «О мерах борьбы с лжекооперативами» в части трех основных признаков лжекооператива не отличалось от союзного (исключая лишь небольшие стилистические моменты). Однако республиканский, в отличие от союзного документа, содержал дополнительные признаки, «указывающие на лжекооперативный характер организации», среди которых были названы такие:

- выявленная зависимость организации от частных предпринимателей независимо от того, выступали ли последние в качестве членов организации лиц, работающих в ней по найму, если они предоставляли организации необходимые оборудование или капитал;
- преобладание в производственной кооперативной организации операций торгового характера (по приобретению изделий на стороне и перепродаже их) над производственными операциями, кроме тех случаев, когда это допускается законами о соответствующих видах кооперации;
- мнимое (лишь для вида) участие в организации значительной части ее членов, являющихся в действительности наемными работниками организации, в особенности при большой текучести состава последней.

В октябре 1929 г. в УК РСФСР 1926 г. была включена ст. 129-а, в которой было дано следующее объяснение «лжекооператива»: организация, которая прикрывается кооперативной формой в целях использования льгот и преимуществ, предоставленных кооперации, в действительности же является предприятием частнопредпринимательским и преследует интересы капиталистических элементов, имеющих преобладающее влияние в его составе (такое короткое и емкое определение с этого периода воспроизводилось и в исследованиях [Арсеньев, Галаган, 1929, с.9]).

В 1931 г. постановлением СНК РСФСР от 2 февраля 1931 г. «Об изменении постановления СНК РСФСР о мерах борьбы с лжекооперативами» определение 1929 г. было

скорректировано, но без радикального изменения смысла. В соответствии с этим документом были скорректированы первый и второй признаки, теперь они выглядели так:

– если в числе их учредителей или членов выборных органов участвуют лица, которым это запрещено законом, и если эти лица по выявлении их не исключены органами самого кооператива из состава учредителей или членов выборных органов;

– если в них принимают участие кулаки и другие лица, не имеющие права быть членами кооператива, и если эти лица по выявлении их не исключены из кооператива органами самого кооператива.

Вот по существу три нормативных определения лжекооператива, которые появились последовательно в течение 1928–1929 гг. (с некоторыми корректировками 1931 г.). Несмотря на их разность, они вполне ясно понимались современниками с точки зрения их цели: борьба с остатками частного капитала и мелкими товаропроизводителями. Более чем ясное представление дает об этом следующее высказывание Б. Фромметта: «Уже теперь в СССР мы признаем лжекооперативами такие организации, которые буржуазными кооператорами признавались бы "действительными" кооперативами. Эта разница в понимании кооперации между нашими и буржуазными кооператорами вытекает не только из различного толкования понятия, а из существа содержания кооперативной работы. Мы направляем кооперативную работу по руслу социалистического строительства, буржуазная же кооперация развивается как капиталистическое предприятие, только коллективное – мелкобуржуазное» [Фромметт, 1930, с. 37]. Борьба эта, помимо идеологических основ, имела и вполне определенное экономическое содержание: «мобилизация денежных средств» [Николаев, 2000, с. 206].

Исходя именно из этих установок, и надо оценивать перечень признаков лжекооператива, даже с учетом всех их текстуальных различий. С современной точки зрения этот перечень противоречив (есть среди признаков вполне определенные, а есть те, которые оставляли за правоприменителем широкое поле для толкования). Однако для тех целей, для которых соответствующий перечень составлялся, он вполне логичен – напоминает сеть, которая расставлена на кооператоров: если не срабатывает один признак, всегда можно найти иной с большей долей усмотрения для государственного органа. Этот перечень (с учетом дополнительных признаков в республиканском (РСФСР) документе) вообрал в себя практически все представления большевиков о лжекооперативном характере организации при социализме (один из полных перечней – 16 признаков – которые использовались до нормативного определения лжекооперации см. в работе А.В. Шаниной [2012, с. 1107–1108]). И эти представления вполне могли использоваться и при отсутствии трех основных признаков, что показывает комментарий к ст. 129-а УК РСФСР и союзному постановлению 1928 г., сделанный в 1938 г. А.Н. Трайниным: «"Лжекооператив" будет при наличии любого из трех названных в приведенном постановлении СНК условий. Если бы суд в обстоятельствах конкретного дела усмотрел основания для признания организации лжекооперативной на основании иных, помимо названных в постановлении СНК, признаков, он, конечно, вправе вынести соответствующий приговор» [Трайнин, 1938, с. 91].

Первый из признаков – в числе их учредителей или членов выборных органов участвуют лица, которым это воспрещено законом – как мы уже видели, имел свою историю с 1919 г. Его первенство в перечне явным образом отражало политическую линию: недопущение в кооператив лиц, которые уже признаны нежелательными элементами при социализме – признавалось важнейшим «барьером» для использования кооперации в противозаконных целях. В числе таких «нежелательных» были и советские служащие (в современном языке мы бы говорили об антикоррупционной направленности нормы). В Циркуляре № 66 подчеркивалась задача прокурорского надзора обращать «особое внимание... на личность учредителей» [Циркуляр № 66, 1928, с. 507]. Данное положение будет играть еще более значительную роль после 1930 г. (как отмечают некоторые исследователи: «в целях окончательной ликвидации кулаков как класса» [Привалов, 1998, с. 228]),

когда постановлением ЦИК СССР № 48 и СНК СССР № 90 от 13 ноября 1930 г. «О недопущении кулаков и лишенцев в кооперацию» будет установлено общее правило о запрете «кулакам и другим лицам, лишенным права выбирать в советы» быть «членами колхозов и других сельско-хозяйственных кооперативов, а также промысловых кооперативных товариществ (артелей) и потребительских обществ». В редакции 1931 г. этот признак стал несколько мягче в том смысле, что оставлял время для самого кооператива исключить нежелательных лиц («если эти лица по выявлении их не исключены органами самого кооператива из состава учредителей или членов выборных органов»), и только если такое исключение не следовало, то тогда появлялся такой признак, как лжекооперативность.

Второй признак – преобладающее влияние капиталистических (кулацких) элементов, использующих кооперативную форму в своих классовых целях – также отражал политическую линию: даже если лицу формально не запрещено входить в число членов кооператива, но оно с точки зрения государственной политики является нежелательным элементом, то нахождение таких лиц в кооперативе не просто нежелательно, но и противозаконно. Кооперация, указывал А. Карасс в отношении потребительской кооперации, «строится по классовому принципу», соответственно, «врагам трудящихся уже потому не может быть места в советской потребительской кооперации» [Карасс, 1925, с. 258]. Проблема, которая решалась через этот признак, была для советской власти довольно существенной. В различных исторических исследованиях отмечается, что преимуществами кооперативного кредита, снабжения, сбыта, налоговыми льготами стремились, прежде всего, воспользоваться лица, занятые частным предпринимательством, кулаки, бывшие предприниматели (купцы и проч.), бывшие чиновники при прежней власти [Кондурушкин, 1927; Ларин, 1927; Арсеньев, Галаган, 1929; Фабричный, 1930; Чичулин, 1998; Рассказова, 2000; Егоров, 2005]. Еще в 1929 г. отмечались неоднократные случаи организации в сельскохозяйственные машинные товарищества (лжекооперативы) кулаков [Гордеев, 1929, с. 349], «организации эксплуататорских хозяйств под видом колхозов» [Кулацкое противодействие, 1929, с. 429]. Делалось это, как можно понять из многочисленных примеров, двумя путями: либо все члены такого кооператива не соответствовали классовому подходу, либо использовалась схема, когда руководящая часть кооператива либо лиц, внесших наибольший пай, состояла из таких лиц. Один из примеров такого кооператива (колхоза) описан в статье 1929 г.: «В Подольском уезде в течение 10 лет под видом с.-х. коллектива скрывалось помещичье хозяйство Лебедева, в состав которого входили исключительно члены семьи бывшего помещика и его слуги. Этот помещик, имевший до революции свыше 100 десятин земли, не только оградил себя от выселения, но открыто пользовался всеми льготами и привилегиями, представленными законом колхозам» [Кулацкое противодействие, 1929, с. 429].

Отдельная история – создание кооперативов из родственников или «семейных» [Царикаев, 2004; Суверов, 2006]; в некоторых источниках их еще называют «родственными», «замкнутыми артелями с ограниченным числом членов» [Демчик, 1999, с. 344; Твердюкова, 2011, с. 404]. Приводится такой пример (иркутская артель «Мельник-Кооператор») из архивных материалов: «Руководителем артели является гр. Волчек – бывший владелец этой мельницы, членами – два сына и зять (он же счетовод артели, судимый в прошлом за растрату) и три местных крестьянина, фактически являвшиеся поденными рабочими на мельнице. Артель существует почти год, но паевых взносов никто, кроме Волчека и его зятя не внес» [Демчик, 1999, с. 344]. У М. Гордеева находим такой пример: «зажиточные крестьяне пос. Суналинского Троицкого района, в числе пяти хозяйств, а именно: Павленко Григорий, Павленко Иван, Мохонь Иван и Ретужский Иван, являющиеся все между собой родственниками, организовали в мае 1926 г. с.х. т-во и затем получили трактор. Эти лжетоварищества использовали тракторы с целью извлечения себе прибыли, закабалая бедноту и середняков деревни» [Гордеев, 1929, с. 349]. Строго говоря, понятно, что в таком вольном толковании под лжекооператив могли попасть кооперативы и вполне нормальные.

По указанному (второму) признаку могли попасть (и попадали) под квалификацию лжекооперативов и религиозные (монастырские, сектантские и пр.) кооперативы [Редькина, 2004, с. 181].

Интересно, что некоторые историки указывают на то, что существовали не только кулацкие лжекооперативы и лжеколхозы, но и «средняцкие лжеколхозы», в которых не было кулаков, но и не были проведены действия (обобществление), которые означали для советской власти создание кооператива (колхоза) [Чемоданов, 2005, с. 88].

В редакции 1931 г. этот признак, также как и первый, стал несколько мягче в том смысле, что оставлял время для самого кооператива исключить нежелательных лиц, и только если такое исключение не следовало, то тогда появлялся такой признак, как лжекооперативность.

Третий признак – деятельность уклоняется в сторону, противную интересам социалистического строительства – на самом деле мог включать в себя очень широкий набор критериев. В первую очередь, речь могла идти о противоречии целей, недаром в упомянутом Циркуляре № 66 подчеркивалось задача прокурорского надзора обратить особое внимание «на те цели, которые ставят себе вновь образуемая кооперативная организация» [Циркуляр № 66, 1928, с. 507]. Например, этот признак мог охватывать такое распространенное нарушение, как использование кооператива для ухода от налогообложения [Царикаев, 2004]. Кроме того, он «пересекался» с теми дополнительными признаками, которые были указаны в нормативном акте РСФСР 1929 г., поэтому остановимся на них.

Первый дополнительный признак – выявленная зависимость организации от частных предпринимателей независимо от того, выступали ли последние в качестве членов организации лиц, работающих в ней по найму, если они предоставляли организации необходимые оборудование или капитал – был сформулирован в очень общем виде. Можно сказать, что в нем отразилось требование государства ограничить работу кооператива с частником, предоставляющим денежные средства и иное имущество для кооператива. Б. Арсеньев приводит пример с объединением христиан-евангелистов, которому на фоне безденежья предоставляются деньги и на них по существу открывается частная столовая [Арсеньев, Галаган, 1929, с. 7]. О.В. Ягов пишет, что «принадлежность оборудования одному из членов кооператива рассматривалась как возможность эксплуатации "хозяином" других членов артели» [Ягов, 2009, с. 332].

Преобладание в производственной кооперативной организации операций торгового характера (по приобретению изделий на стороне и перепродаже их) над производственными операциями, кроме тех случаев, когда это допускается законами о соответствующих видах кооперации – это признак более чем очевиден; по существу, это запрет на прикрытие торговли кооперативной формой. В его формулировке нашла отражение цель не допустить нарушение основных положений о кооперации, кооперативного метода, как их понимала теория, и советская в том числе: «устремление кооперативной деятельности на обслуживание хозяйственных процессов и потребностей членов кооператива» [Озерецковский, 1927, с. 8], «обслуживание своих членов, а не просто торговая или какая-нибудь работа на сторону» [Гречка, 1924, с. 212]. Примеров таких нарушений в литературе приводится более чем достаточно. Приведем только один – из работы Ю. Ларина в части артели обувного производства: «в ее составе торговцы, комиссионеры и пр. В ее составе нет сапожников и т.п. рабочих обувного производства. Члены артели дают правлению деньги в кредит под 8 % в месяц, т.е. более 100 % в год. Артель имеет магазин и продает обувь, которую она скупает у частных кустарей. Проще говоря, эта артель является прикрытой (под формой кооперации) раздаточно-скупочной частнокапиталистической конторой» [Ларин, 1927, с. 115].

Мнимое (лишь для вида) участие в организации значительной части ее членов, являющихся в действительности наемными работниками организации, в особенности при большой текучести состава последней – этот дополнительный признак охватывал очень

значительную группу нарушений. К примеру, описывается схема образования машинных товариществ для получения на льготных условиях техники, когда кулаками привлекалась беднота, а потом, под разными предложениями (чаще всего, неуплата взносов), исключалась [Чемоданов, 2005, с. 90]. Этот признак частично охватывал прямо неурегулированную законом ситуацию фиктивности учредительства (отметим, что в некоторых работах, как того периода, так и современных, посвященных тому периоду, понятия «лжекооператив» и «фиктивная артель», «фиктивный кооператив» являются синонимами [Белкин, 1926; Рогинский, Строгович, 1926; Лейкина, 2004; Гаврилов, 2006; Панга, 2008]), то есть ситуацию, когда организация создается на вымышленных, умерших лиц или лиц, не дававших согласия на участие либо выступавших в качестве учредителей номинально. Такие случаи, конечно, были (в качестве примера приведем выдержку из описания одного из процессов над лжекооператорами: «Серебряков... Собрав всех своих родственников... учреждает ОЖСКТ № 579 при "Агросе"... Насколько все дела были мошеннические и лжекооператив был фиктивный доказал и тот факт, что паевых или членских взносов никто из учредителей не вносил, кроме, конечно, самого Серебрякова» [Оскаревич, 1930, с. 17-18]), однако обратим внимание, что акцента в исследованиях на них не делалось.

На фоне таких развернутых признаков весьма странно смотрится наиболее позднее из трех определений, данное в 1929 г. в ст. 129-а УК РСФСР 1926 г. Однако, как думается, краткость определения не означала отмены ранее данных определений; для реального понимания того, как отличать лжекооператив от собственно кооператива, необходимо было обращаться к указанному постановлению СНК РСФСР от 27 марта 1929 г., где были даны конкретные признаки лжекооператива (п. 4).

Теперь обратимся к правовым средствам противодействия лжекооперации.

Одним из первых документов рассматриваемого периода (после 1921 г.) стал декрет СНК РСФСР от 26 сентября 1922 г. «Об охране труда и обеспечении прав лиц, работающих в промысловых кооперативных предприятиях». В нем указаны следующие правовые средства – меры реагирования, которые использовались в этом случае государством в случае нарушения его норм:

- уголовная ответственность руководителей кооператива (иной конкретизации документ здесь не содержал);
- уплата наемным рабочим всей разницы между фактически выплаченным и причитавшимся им по тарифу, согласно их квалификации, вознаграждением, а также дополнительное вознаграждение за сверхурочные работы и пр., если таковые были произведены указанными лицами, и за все время уклонения от социального страхования все причитающиеся страховые взносы и пени;
- лишение товарищества (артели) наименования кооперативов и его последующая ликвидация.

Как видим, в части противодействия даже отдельным нарушениям кооперативного законодательства государство использовало комплексный подход: сочетание одновременно уголовно-правовых, фискальных и гражданско-правовых мер.

Важной мерой противодействия лжекооперативам, начиная с 1923 г., стала постоянная ревизия (контроль) кооперативов, «проверка и чистка социального состава пайщиков» [Алимпиева, 1996, с. 53]; ревизия воспринималась всеми причастными к организации кооперативного движения лицами именно как мера борьбы с лжекооперацией [В Главкооперкоме. Кооперативный Кодекс УССР, 1925, с. 208 и др.]; Д.М. Генкин указывал, что «только постоянный контроль над деятельностью может быть союзам и государственным учреждениям... действительное оружие по борьбе с лжекооперацией» [Генкин, 1924, с. 3].

Специальной уголовной ответственности именно за организацию и осуществление деятельности лжекооператива не было до 1929 г. В литературе указывается, что до этого «государством и обществом лжекооператив рассматривался лишь как способ, средство совершения других уголовно-наказуемых деяний, более общественно-опасных...» [Вагра-

тьян, 2002, с. 18-19]. С этим можно согласиться только отчасти; со стороны органов, осуществляющих руководство кооперативами, неоднократно формулировались предложения о введении специальной уголовной ответственности. К примеру, в материалах за 1924 г. можно встретить информацию о совещании, организованном Кустарным отделом ВСНХ, одной из резолюций по итогам которого была и такая: «Усиление ответственности за нарушение законов о кооперации путем дополнения Угол. Кодекса особыми нормами, карающими за лжекооперативную деятельность» [Борьба с лжекооперацией, 1924, с. 70]. Впоследствии руководящими кооперативными органами также формулировались предложения «привлекать к уголовной ответственности за организацию заведомых лжекооперативов». При отсутствии специальной статьи за соответствующее деяние Народный комиссариат юстиции [Циркуляр № 66, 1928, с. 507] давал в 1928 г. следующие руководящие указания: «Если результатом работы данного лжекооператива явился явный подрыв экономической мощи какой-либо из отраслей государственного хозяйства, соединенных с крупными материальными убытками для государства, то действия лиц, возглавляющих этот лжекооператив, надлежит квалифицировать по 58⁷ ст. УК РСФСР 1926 г., т.е. как экономическую контрреволюцию по признаку сознательного допущения контрреволюционного результата... Во всех остальных случаях действия руководителей лжекооператива квалифицировать по ст. 169 ч. 2 УК РСФСР 1926 г. (как мошенничество, имевшее своим последствием причинение убытка государственному или общественному учреждению – прим. авт.), так как самый факт образования лжекооператива должен рассматриваться, как покушение на использование путем обмана льгот, предоставляемых кооперативным организациям». Отметим, что санкции указанных статей были жесткими: ст. 58⁷ УК РСФСР 1926 г. относилась к преступлениям государственным и содержала «меры социальной защиты, предусмотренные статьей 58.2», то есть вплоть до расстрела и конфискации всего имущества, хотя и «с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы со строгой изоляцией на срок не ниже пяти лет с конфискацией всего имущества»; ст. 169 УК РСФСР 1926 г. предусматривала лишение свободы на срок до пяти лет с конфискацией всего или части имущества.

Квалификация отдельных действий, осуществляемых под прикрытием кооператива, как мошенничества была закономерным способом решения проблем в сфере кооперации, поскольку мошенничество по своему содержанию и тогда было (да и сейчас является) универсальным составом, часто восполняющим отсутствие специальных норм. Примеров такого мошенничества в те годы было более чем достаточно, приведем только один, который едва ли можно сегодня воспринимать без некоторой иронии, описанный Ю. Лариным (впрочем, описание соответствующее, ироничное): «Мальчик 14 лет, по имени Лева Брегин, в Ленинграде организовал промысловую "Детскую артель имени т. Ленина". Ввиду этого он получил, во-первых, для поддержки доброго начинания от Наркомфина 8 тыс. руб. Как же не дать? Детская артель, ребята переходят к полезному труду, да еще артель носит имя Ленина. От НКПС он получил, далее, для надобностей артели бесплатные проездные билеты со скоростью, мягкостью и т.д. в счет нормы НКПС. От Ленинградского совета раб. и кр. депутатов он получил затем 200 пудов разного старого обмундирования и приступил к делу. И на все это Лева Брегин открыл кинематограф. Оказалось, что в этой артели, кроме Левы Брегина никого вообще не было» [Ларин, 1927, с. 116].

Перелом в части ответственности мы наблюдаем с принятием двух указанных документов – союзного 1928 г. и республиканского (РСФСР) 1929 г. В обоих документах для целей противодействия лжекооперативам были указаны стимулирующие меры, помимо этого был предложен базовый подход, разделивший все лжекооперативы на две группы: в первую группу кооперативов включались те из них, в которых большинство составляли трудящиеся, и деятельность которых могла быть «выправлена» («оздоровлена»), через переборы и некоторые иные мероприятия; вторую группы лжекооперативов составили те, деятельность которых не могла быть «выправлена» («оздоровлена»), такие подлежали безусловной ликвидации.

При этом какой-то строгой границы между группами, очевидно, не было, и многое было на усмотрение местных органов, которые и занимались соответствующим процессом. Само выделение двух групп явно свидетельствовало о реализации ранее высказанной государственными органами, Всесоюзным союзом идей по дифференциации подходов к «диким» и «лжекооперативам»: «включение в систему здоровых «диких» кооперативов и ликвидация «лжекооперативов» [«Дикие» артели и лжекооперативы, 1927, с. 54] (в современных исследованиях применительно к этому делению эта идея описывается так: «советская власть... проводила четко «классовую линию» – дикие кооперативы» легализовать, а лжекооперативы» – распушить» [Никонов, 1999, с. 93-94]).

Если лжекооперативная организация принудительно ликвидировалась, то она привлекалась к налогообложению на общих основаниях [Твердюкова, 2011]. Отдельные авторы указывали, что признание кооператива лжекооперативом означало и потерю «льготной ограниченной ответственности». В. Штейнберг отмечал, к примеру, что в этом случае по долгам кооператива должна наступать «долевая квалифицированная ответственность», как для участников полного товарищества (ст. 294 ГК РСФСР 1922 г.) [Штейнберг, 1929, с. 362].

Апогеем борьбы с лжекооперативами стало введение в 1929 г. уголовной ответственности в УК РСФСР 1926 г. Ее введение было предусмотрено п. 6 союзного документа 1928 г., где руководству союзных республик предлагалось «принять меры к усилению уголовной ответственности организаторов и фактических руководителей лжекооперативов, а также должностных лиц государственных органов и кооперации, оказывающих лжекооперативам содействие в их работе».

В частности, такая ответственность устанавливалась в следующих случаях:

– за содействие должностными лицами государственных органов или кооперации, на обязанности которых лежит регистрация и последующий контроль за деятельностью кооперативов, организации лжекооперативов или попустительство их дальнейшей деятельности, а равно оказание таким лжекооперативам содействия иными должностными лицами в той или иной форме (льготный отпуск материалов и товаров, предоставление льгот по арендной плате и т.д.) (ст. 111-а УК);

– учреждение и руководство деятельностью лжекооперативов (ст. 129-а УК);

– участие в работе лжекооперативных организаций лиц, заведомо знавших, что данная организация является лжекооперативной, и извлекавших из этого участия предпринимательскую прибыль или заведомо содействовавших сокрытию действительного характера названной организации (ст. 129-а УК).

В результате предпринятых мер основная масса так называемых лжекооперативов к началу 30-х годов была уничтожена (отдельные исследователи указывают, что уже к концу первой пятилетки с ними было едва ли не покончено [Николаев, 2000]). Однако это не исключило явление лжекооперации как таковое, в том числе и потому, что продолжала существовать среда для нее – промысловая кооперация. В одном из исследований отмечается по 1935 г.: «из проверенных на 1 мая 1935 г. по Москве 188 организаций – 42 оказались лжекооперативными» [Твердюкова, 2011, с. 409]; лжекооперативы активно функционировали, как показывают исторические исследования, и в послевоенное время [Осипов, 2002; Твердюкова, 2011]. Окончательное подавление этого явления произошло уже во второй половине 50-х годов, когда прошел процесс огосударствления промысловой кооперации.

Специальные положения об уголовной ответственности за лжекооперацию были исключены после вступления в силу УК РСФСР 1960 г. Объяснение этому вполне рациональное и понятное: занятие частной предпринимательской деятельностью стало само по себе преступлением, поэтому «отпала необходимость в регламентации уголовной ответственности за различные виды нарушений» в том числе и лжекооперацию [Маматханова, 2004, с. 28]. В указанном кодексе была специальная статья – 153 – которая предусматривала ответственность за частнопредпринимательскую деятельность с использованием гос-

ударственных, кооперативных или иных общественных форм (слово «использование» по постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 25 июня 1976 г. № 7 «О практике применения судами законодательства об ответственности за частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество» заменяло на слова «под прикрытием» (п.2)); слова «лжекооператив» ни этот кодекс, ни судебные акты уже не использовали, хотя в указанном пленуме можно встретить, к примеру, упоминание о «лжефилиалах».

В конце 80-х – начале 90-х гг. слово «лжекооператив» снова вошло в лексикон. Его стали использовать для обозначения кооперативов, либо изначально создающихся для совершения преступлений (получение и невозвращение кредитов и проч.), либо осуществляющих деятельность с нарушениями [Досюкова, 1997, с. 85; Привалов, 1998, с. 257; Захаров, 2002, с. 134 и др.]. Однако в правовые акты оно не вошло. На политико-правовом уровне было указано на необходимость усиления ответственности за лжепредпринимательство (п. 3 Указа Президента РФ от 18 сентября 1993 г. № 1390 «О дополнительных мерах по укреплению правопорядка в Российской Федерации»). Такая ответственность (ст. 173 УК РФ) была закреплена в УК РФ с 1996 г. по 2010 г. Под ним понималось создание коммерческой организации без намерения осуществлять предпринимательскую или банковскую деятельность, имеющее целью получение кредитов, освобождение от налогов, извлечение иной имущественной выгоды или прикрытия запрещенной деятельности, причинившее крупный ущерб гражданам, организациям или государству. Применение ст. 173 УК РФ вызвало столь много вопросов и затруднений на практике [Котин, 1997; Лопашенко, 1997; Иногамова-Хегай, Жовнир, 2001; Волженкин, 2002; Деуленко, 2002; Скорилкина, Дадонов, Анненков, 2000; Устинова, 2003; Кузнецова, 2004; Дугричилова, 2005; Клепицкий, 2005; Ковяров, 2008], что в итоге она была исключена из кодекса (см.: Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ).

В литературе можно встретить точку зрения о «генетической» связи нормы (состава) о лжепредпринимательстве с нормами советских времен о лжекооперативах [Досюкова, 1997, с. 57; Клепицкий, 2005, с. 510]. На первый взгляд, она действительно более чем очевидна, особенно если следовать объяснениям криминализации лжепредпринимательства [Волженкин, 2002]. И, тем не менее, нормы (составы) это, все-таки разные: они решают схожие проблемы (осуществление незаконной деятельности в оболочке законно созданной организации), роднит и некоторая «размытость» признаков, но разнятся причины, которые привели к их появлению, политико-правовые установки, да и юридическая техника.

Декриминализация лжепредпринимательства не отменяет актуальности изучения практики противодействия лжекооперативам.

Во-первых, несмотря на долгую историю российской кооперации, в том числе и довольно уже продолжительную историю ее правового регулирования после начала экономических реформ в начале 90-х годов, понимание кооперации как феномена у нас в праве не сложилось. Как отмечается, не сложилось у нас и «единой или хотя бы взаимосвязанной концепции развития кооперации» [Тычинин, 2004, с. 45]. Понять, чем же, собственно, отличается кооператив от некоторых иных организационно-правовых форм, сегодня также сложно, как и ранее, в особенности это касается потребительской кооперации (потребительских обществ). И немудрено, что в исследованиях снова мелькает знакомое слово – «лжекооператив». И вовсе не как предмет для юридической археологии, а как попытка отграничить реальные кооперативы от маскирующихся под них организаций. К примеру, один из авторов пишет, что «целесообразно прийти к единому, достаточно конкретному и полному определению кооператива или может к отдельным определениям кооперативов. Именно такое определение должно стать стандартом для отличия кооператива от лжекооператива» [Захаров, 2002, с. 46]. Этот же автор дает такое видение современного лжекооператива: кооперативы, «которые ориентированы на увеличение прибыли и исполь-

зуют те же методы ведения хозяйственной деятельности, что и компании инвесторного типа, а формально принадлежат к кооперативному сектору» [Захаров, 2002, с. 28].

Во-вторых, история лжекооперативов, которая поднята в этой работе, имеет значение для анализа ситуации и создания адекватного правового регулирования в части случаев создания и функционирования т.н. фиктивных юридических лиц. Это словосочетание активно используется в литературе по большей части с негативной коннотацией. На политико-правовом уровне было сформулировано поручение (п. 6 Перечня поручений Президента Российской Федерации от 27 августа 2010 г. № Пр-2507) о введении уголовной ответственности за фиктивное участие в учреждении и деятельности юридического лица, которое было реализовано путем принятия двух статей в УК РФ - 173¹ и 173², предусматривающих криминализацию создания юридических лиц через подставных лиц. Однако проблема гораздо глубже: за этими словами – фиктивное юридическое лицо – не стоит реально никакой серьезной доктринальной основы, вопросы негативной фиктивности в праве крайне слабо разработаны, а потому сложно разграничить правомерное и неправомерное поведение (учитывая, что две названные статьи УК РФ (173¹ и 173²) еще и противоречивы, и не охватывают всех проявлений фиктивности); для ее обозначения сегодня в праве активно развивается такой институт, как «фирма-однодневка», которую иногда также называют фиктивным лицом, номиналом и прочим.

Интересно, что во многом в настоящее время приходится решать те же проблемы, что и в прошлом. К примеру, скажем фразу – «часто юридическое лицо создавалось только для того, чтобы проделать только одну операцию» - и зададим вопрос: а про какое это время сказано? Можно сказать – это абсолютно точно про наши дни, однодневки и проч., а сказано это про 20-е гг. [Новоселова, 2003, с. 27]. Изучение опыта прошлого вполне продуктивно для целей избежания ошибок при создании регулирования в будущем.

Список литературы References

1. Алимпиева Т.Г. 1996. Промысловая кооперация на Урале в 1928 – 1934 годах: Дис. ... канд. истор. наук. Челябинск.
Alimpieva T.G. 1996. Promyslovaya kooperaciya na Urale v 1928 – 1934 godah [Commercial cooperation in the Urals in 1928 – 1934]: Dis. ... kand. istor. nauk. Chelyabinsk.
2. Антропов И.А. 1918. Лекции по русскому кооперативному праву. Казань: Издание Казанского союза потребительных обществ.
Antropov I.A. 1918. Lekcii po russkomu kooperativnomu pravu [Lectures on Russian cooperative law]. Kazan': Izdanie Kazanskogo soyuza potrebitel'nyh obshchestv.
3. Анцыферов А.Н. 1917. Новый кооперативный закон и ближайшие задачи русской кооперации. М.
Ancyferov A.N. 1917. Novyj kooperativnyj zakon i blizhajshie zadachi russkoj kooperacii [The new cooperative law and the immediate tasks of Russian cooperation]. M.
4. Арсеньев Б., Галаган А. 1929. Лжекооперация и борьба с ней. М.: КНИГОСОЮЗ.
Arsen'ev B., Galagan A. 1929. Lzhekooperaciya i bor'ba s nej [Luciopercae and the fight against it]. M.: KNIGOSOYUZ.
5. Ашкинезер Ю.С. 1924. Деятельность Главкооперкома в области разработки вопросов кооперат. законодательства УССР. Вестник Советской Юстиции. № 8(18).
Ashkinezer YU.S. 1924. Deyatel'nost' Glavkooperkoma v oblasti razrabotki voprosov kooperat. zakonodatel'stva USSR [Activities Glamourcam development issues kooperat. legislation of the USSR]. Vestnik Sovetskoj YUsticii [Bulletin of The Soviet Justice]. № 8(18).
6. Бахтин В.В. 2002. Частное предпринимательство в Воронежской губернии в годы нэпа: Дис. ... канд. истор. наук. Воронеж.
Bahtin V.V. 2002. CHastnoe predprinimatel'stvo v Voronezhskoj gubernii v gody nehpa [Private enterprise in Voronezh province in the years of NEP]. Dis. ... kand. istor. nauk. Voronezh.
7. Беларева О.А. 2005. Уголовно-правовая характеристика незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ): Дис. ... канд. юрид. наук. Томск.

Belareva O.A. 2005. Ugolovno-pravovaya harakteristika nezakonnogo predprinimatel'stva (st. 171 UK RF) [Criminal-legal characteristics of illegal entrepreneurship (article 171 of the criminal code)]: Dis. ... kand. yurid. nauk. Tomsk.

8. Белкин Г. 1926. Рабочий вопрос в частной промышленности. М.: Вопросы труда.

Belkin G. 1926. Rabochij vopros v chastnoj promyshlennosti [The issue of working in private industry]. M.: Voprosy truda,

9. Богаутдинов. 1925. Преступность в кооперации и органы юстиции Татарской социалистической советской Республики. Еженедельник Советской Юстиции. № 42-43.

Bogautdinov. Prestupnost' v kooperacii i organy yusticii Tatarskoj socialisticheskoj sovetskoj Respubliki [Crime in the societies and the organs of justice of the Tatar Soviet socialist Republic]. Ezhenedel'nik Sovetskoj YUsticii [The Weekly of The Soviet Justice]. 1925. № 42-43.

10. Борьба с лжекооперацией. Вестник промысловой кооперации. 1924. № 7-8 (12-13).

Bor'ba s lzhekooperaciej. Vestnik promyu'slovoj kooperacii [Bulletin of the fisheries cooperative societies]. 1924. № 7-8 (12-13).

11. Борьба с лжекооперативами. Еженедельник Советской Юстиции. 1927. № 32.

Bor'ba s lzhekooperativami. Ezhenedel'nik Sovetskoj YUsticii [The Weekly of The Soviet Justice]. 1927. № 32.

12. Брагинский М. 1927. Новый закон о сельскохозяйственной кооперации. Еженедельник Советской Юстиции. № 46.

Braginskij M. 1927. Novyj zakon o sel'skohozyajstvennoj kooperacii [New law on agricultural cooperation]. Ezhenedel'nik Sovetskoj YUsticii [The Weekly of The Soviet Justice]. № 46.

13. Бунин А.О. 1998. Сельскохозяйственная кредитная кооперация в системе советского хозяйства: Дис. ... докт. истор. наук. Иваново.

Bunin A.O. 1998. Sel'skohozyajstvennaya kreditnaya kooperaciya v sisteme sovetskogo hozyajstva [Agricultural credit cooperation in the Soviet economy]: Dis. ... dokt. istor. nauk. Ivanovo.

14. Бухарин Н.И. 1989. Экономика переходного периода / Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат.

Buharin N.I. 1989. EHkonomika perekhodnogo perioda [Transition economy] / Problemy teorii i praktiki socializma [Problems of theory and practice of socialism]. M.: Politizdat.

15. В Главкооперкоме. Кооперативный Кодекс УССР. Вестник Советской Юстиции. 1924. № 13(23).

V Glavkooperkome. Kooperativnyj Kodeks USSR [The Chief. The cooperative Code of the Ukrainian SSR]. Vestnik Sovetskoj YUsticii [Bulletin of The Soviet Justice]. 1924. № 13(23).

16. В Главкооперкоме. Кооперативный Кодекс УССР. Вестник Советской Юстиции. 1925. № 5(39).

V Glavkooperkome. Kooperativnyj Kodeks USSR [The Chief. The cooperative Code of the Ukrainian SSR]. Vestnik Sovetskoj YUsticii [Bulletin of The Soviet Justice]. 1925. № 5(39).

17. Ваграгьян О.А. 2002. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика лжепредпринимательства: Дис. ... канд. .рид. наук. Ростов-на-Дону.

Vagrat'yan O.A. 2002. Ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya harakteristika lzhepredprinimatel'stva [Criminal-legal and criminological characteristics of pseudo-entrepreneurship]: Dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu.

18. Васильчиков А.И. 1875. Доклад Князя А.И. Васильчикова в собрании Императорского Московского Общества Сельского Хозяйства. 15 января 1875 г. СПб.

Vasil'chikov A.I. 1875. Doklad Knyazyu A.I. Vasil'chikova v sobranii Imperatorskogo Moskovskogo Obshchestva Sel'skogo Hozyajstva [Report of Prince A. I. Vasilchikov in the meeting of the Imperial Moscow Society of Agriculture]. 15 yanvara 1875 g. SPb.

19. Войцеховский С.Ф. 1912. Курсы по кооперации. М., Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского.

Vojcekhovskij S.F. 1912. Kursy po kooperacii [Courses in cooperation]. M., Moskovskij gorodskoj narodnyj universitet imeni A.L. SHanyavskogo.

20. Волженкин Б.В. 2002. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс».

Volzhenkin B.V. 2002. Prestupleniya v sfere ehkonomicheskoy deyatel'nosti (ehkonomicheskie prestupleniya) [Crimes in the sphere of economic activity (economic crimes)]. SPb.: Izdatel'stvo «YUridicheskij centr Press».

21. Генкин Д.М. 1924. Законодательство о промысловой кооперации. Вестник промысловой кооперации. № 10-11(15-16).

Genkin D.M. 1924. Zakonodatel'stvo o promy'slovoj kooperacii [The law on producers' cooperatives]. Vestnik promy'slovoj kooperacii [Bulletin of the fisheries cooperative societies]. № 10-11(15-16).

22. Генкина Э.Б. 1954. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921 – 1922). М.: Государственное издательство политической литературы.

Genkina E.B. 1954. Perekhod Sovetskogo gosudarstva k novej ehkonomicheskoy politike (1921 – 1922) [The transition of the Soviet state to a new economic policy]. М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.

23. Гордеев М. 1929. Борьба с лжекооперативами. Еженедельник Советской Юстиции. № 15.

Gordeev M. 1929. Bor'ba s lzhekooperativami [Fight against pseudo-operatives]. Ezhenedel'nik Sovetskoy YUsticii [The Weekly of The Soviet Justice]. № 15.

24. Гражданский кодекс советских республик. Текст и практический комментарий под редакцией Ал. Малицкого. 1923. Киев, Государственное издательство Украины.

Grazhdanskij kodeks sovetских respublik. Tekst i prakticheskij kommentarij pod redakciej Al. Maliczko [Civil code of the Soviet republics. Text and practical commentary edited by al. Malicki]. 1923. Kiev, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Ukrainy,

25. Гребениченко С.Ф. 2001. Эволюция властного регулирования промышленной сферы села в 1920-е годы на основе анализа законов и нормативных актов: Дис. ... докт. истор. наук. М.

Grebenichenko S.F. 2001. Evolyuciya vlastnogo regulirovaniya promyslovoj sfery sela v 1920-e goda na osnove analiza zakonov i normativnyh aktov [Evolution of power regulation of the fishing sphere of the village in the 1920s on the basis of the analysis of laws and regulations]: Dis. ... dokt. istor. nauk. М.

26. Гречка А.М. 1924. Кооперативный метод по советскому законодательству. Вестник Советской Юстиции. № 8(18).

Grechka A.M. Kooperativnyj metod po sovetскому zakonodatel'stvu [Cooperative method according to the Soviet legislation]. Vestnik Sovetskoy YUsticii [Bulletin of The Soviet Justice]. 1924. № 8(18).

27. Громов Вл. 1931. Техника расследования отдельных видов преступлений / под редакцией и предисловием М.С. Строговича. М.: Советское законодательство.

Gromov Vl. 1931. Tekhnika rassledovaniya otdel'nyh vidov prestuplenij [Technique of investigation of certain types of crimes] / pod redakciej i predisloviem M.S. Strogovicha. М.: Sovetskoe zakonodatel'stvo.

28. Гусев А.В. 2008. Промышленная кооперация на потребительском рынке советского общества: опыт преодоления товарного кризиса (на материалах Ивановской, Костромской, Ярославской областей 20-30-х годов XX века): Дис. канд. истор. наук. Кострома.

Gusev A.V. 2008. Promyslovaya kooperaciya na potrebitel'skom rynke sovetского obshchestva: opyt preodoleniya tovarного krizisa (na materialah Ivanovskoj, Kostromskoj, YAroslavskoj oblastej 20-30-h godov XX veka) [Commercial cooperation in the consumer market of the Soviet society: the experience of overcoming the commodity crisis (on the materials of the Ivanovo, Kostroma, Yaroslavl regions of 20-30 - ies of XX century)]: Dis. kand. istor. nauk. Kostroma.

29. Демчик Е.В. 1999. Частный капитал города в 1920-е гг.: о возрождения к ликвидации (На материалах Сибири): Дис. ... докт. истор. наук. Барнаул.

Demchik E.V. 1999. CHastnyj kapital goroda v 1920-e gg.: o vozrozhdeniya k likvidacii (Na materialah Sibiri) [Private capital of the city in the 1920s: on the revival to liquidation (based On the materials of Siberia)]: Dis. ... dokt. istor. nauk. Barnaul.

30. Деуленко Н.А. 2002. Лжепредпринимательство: понятие, формы и уголовно-правовое значение: Автореф. ... канд. дис. юрид. наук. М.

Deulenko N.A. 2002. Lzhepredprinimatel'stvo: ponyatie, formy i ugovolno-pravovoe znachenie [Pseudo-entrepreneurship: concept, forms and criminal-legal meaning]: Avtoref. ... kand. dis. yurid. nauk. М.

31. «Дикие» артели и лжекооперативы. Вестник промышленной кооперации. 1927. № 1(42).

«Dikie» arteli i lzhekooperativy ["Wild" artels and pseudo-operatives]. Vestnik promy'slovoj kooperacii [Bulletin of the fisheries cooperative societies]. 1927. № 1(42).

32. Добрынин А. 1930. Лжекооперация / Классовая борьба и преступность. М.: Издательство Народного Комиссариата Внутренних Дел РСФСР.

Dobrynin A. 1930. Lzhekooperaciya / Klassovaya bor'ba i prestupnost' [Luceiperca / Class struggle and crime]. М.: Izdatel'stvo Narodного Komissariata Vnutrennih Del RSFSR.

33. Дорошенко А.Н. 1916. К проекту закона о кооперативных товариществах. Петроград, Тип. ред. период. изд. М-ва ф-в.

Doroshenko A.N. 1916. K proektu zakona o kooperativnyh tovarishchestvah [To the draft law on cooperative partnerships]. Petrograd, Tip. red. period. izd. M-va f-v.

34. Досюкова Т.В. 1997. Уголовная ответственность за лжепредпринимательство: Дис. канд. юрид. наук. М.

Dosyukova T.V. 1997. Ugolovnaya otvetstvennost` za lzhepredprinimatel`stvo [Criminal liability for pseudo-entrepreneurship]: Dis. kand. yurid. nauk. M.

35. Дугричилова Д.М. 2005. Преступления в сфере кредитно-банковской деятельности: общая характеристика и вопросы квалификации: Автореф. ... канд. дис. юрид. наук. М.

Dugrichilova D.M. 2005. Prestupleniya v sfere kreditno-bankovskoj deyatelnosti: obshchaya harakteristika i voprosy kvalifikacii [Crimes in the field of credit and banking: General characteristics and qualification issues]: Avtoref. ... kand. dis. yurid. nauk. M.

36. Егоров В.Г. 2005. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века): Дис. ... докт. истор. наук. М.

Egorov V.G. 2005. Otechestvennaya kooperaciya v melkom promyshlennom proizvodstve: stanovlenie, ehrapy razvitiya, ogosudarstvlenie (pervaya tret` XX veka) [Domestic cooperation in small-scale industrial production: formation, stages of development, nationalization (the first third of the XX century)]: Dis. ... dokt. istor. nauk. M.

37. Жовнир С.А. 2002. Уголовная ответственность за лжепредпринимательство: Автореф. ... канд. дис. юрид. наук. М.

ZHovnir S.A. 2002. Ugolovnaya otvetstvennost' za lzhepredprinimatel'stvo [Criminal liability for pseudo-entrepreneurship]: Avtoref. ... kand. dis. yurid. nauk. M.

38. Захаров И.В. 2002. Потребительская кооперация России в условиях трансформации экономических отношений: Дис. ... докт. эконом. наук. М.

Zaharov I.V. 2002. Potrebitel'skaya kooperaciya Rossii v usloviyah transformacii ehkonomicheskikh otnoshenij [Consumer cooperation in Russia in the context of transformation of economic relations]: Dis. ... dokt. ehkonom. nauk. M.

39. Зибер Н.И. 1869. Потребительные общества. Киев, В Типографии Е.Я. Федорова.

Ziber N.I. 1869. Potrebitel'ny'e obshhestva [A consumer society]. Kiev, V Tipografii E.Ya. Fedorova.

40. Злоказов П.М. 1917. Лжекооперативы. М., Издание Московского Союза Потребительских Обществ.

Zlokazov P.M. 1917. Lzhekooperativy [False operatives]. M., Izdanie Moskovskogo Soyuzu Potrebitel'skih Obshchestv.

41. Иногамова-Хегай Л., Жовнир С. 2001. Субъективная сторона лжепредпринимательства. Уголовное право. № 4.

Inogamova-Hehaj L., ZHovnir S. 2001. Sub"ektivnaya storona lzhepredprinimatel'stva [The subjective side of pseudo-entrepreneurship]. Ugolovnoe pravo [Criminal law]. № 4.

42. Исаев А.А. 1918. Новое кооперативное законодательство. Петроград.

Isaev A.A. 1918. Novoe kooperativnoe zakonodatel'stvo [New cooperative legislation]. Petrograd.

43. Карасс А. 1925. Новые вехи в законодательстве о потребительской кооперации. Еженедельник Советской Юстиции. № 11.

Karass A. 1925. Novye vekhi v zakonodatel'stve o potrebitel'skoj kooperacii [New milestones in the law on consumer cooperation]. Ezhenedel'nik Sovetskoj YUsticii [The Weekly of The Soviet Justice]. № 11.

44. Кекуатов К.В. 1915. Сравнительный текст русских проектов закона о кооперативных товариществах. С объяснительною запискою. Пг.: Издание Петроградского Отделения Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах, Типография Акционерного Общества «Брокгауз – Ефрон».

Kekuatov K.V. 1915. Sravnitel'nyj tekst russkikh proektov zakona o kooperativnyh tovarishchestvah. S ob'yasnitel'noyu zapiskoyu. Pg. [Comparative text of the Russian draft law on cooperative partnerships]: Izdanie Petrogradskogo Otdeleniya Komiteta o sel'skikh ssudo-sberegatel'nyh i promyshlennyh tovarishchestvah, Tipografiya Akcionernogo Obshchestva «Brokgauz – Efron».

45. Клепицкий И.А. 2005. Система хозяйственных преступлений. М.: Статут.

Klepickij I.A. 2005. Sistema hozyajstvennyh prestuplenij [System of economic crimes]. M.: Statut.

46. Ковяров М.Ю. 2008. Уголовно-правовая характеристика лжепредпринимательства: Автореф. ... канд. дис. юрид. наук. М.

Kovyarov M.YU. 2008. Ugolovno-pravovaya harakteristika lzhepredprinimatel'stva [Criminal-legal characteristic of pseudo-entrepreneurship]: Avtoref. ... kand. dis. yurid. nauk. M.

47. Колоножников Г. 1923. Основные типы иностранного кооперативного законодательства. Право и жизнь. Книга первая. М.: Издательство «Право и жизнь».

Kolonozhnikov G. 1923. Osnovnye tipy inostrannogo kooperativnogo zakonodatel'stva [The main types of foreign cooperative legislation]. Pravo i zhizn' [Law and life]. Kniga pervaya. M.: Izdatel'stvo «Pravo i zhizn'».

48. Кондурушкин И.С. 1927. Частный капитал перед советским судом. Пути и методы накопления по судебным и ревизионным делам 1918 – 1926 гг. с предисловием Д.И. Курского. М., Л., Государственное издательство.

Kondurushkin I.S. 1927. S'hnastnyj kapital pered sovetskim sudom. Puti i metody nakopleniya po sudebnym i revizionnym delam 1918 – 1926 gg. [Private capital before the Soviet court. Ways and methods of accumulation on judicial and audit cases of 1918 – 1926] s predisloviem D.I. Kurskogo. M., L., Gosudarstvennoe izdatel'stvo,

49. Котин В. 1997. Ответственность за лжепредпринимательство. Законность. № 6 (752).

Kotin V. 1997. Otvetstvennost' za lzhepredprinimatel'stvo [Responsibility for pseudo-entrepreneurship]. Zakonnost' [Legality]. № 6 (752).

50. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том второй. 1917 – 1924. М.: Издательство политической литературы, 1970.

KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK [CPSU resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Tom vtoroj. 1917 – 1924. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1970.

51. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том третий. 1924 – 1927. М.: Издательство политической литературы, 1970.

KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK [CPSU resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Tom tretij. 1924 – 1927. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1970.

52. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том четвертый. 1927 – 1931. М.: Издательство политической литературы, 1970.

KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK [CPSU resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Tom chetvertyj. 1927 – 1931. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1970.

53. Кузнецова О.А. 2004. Фиктивные явления в праве. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та.

Kuznecova O.A. 2004. Fiktivnye yavleniya v prave [Fictitious phenomena in law]. Perm': Izd-vo Perm. gos. un-ta.

54. Кулацкое противодействие. Еженедельник Советской Юстиции. 1929. № 19.

Kulackoe protivodejstvie [Kulak opposition]. Ezhenedel'nik Sovetskoj YUsticii [The Weekly of The Soviet Justice]. 1929. № 19.

55. Ларин Ю. 1927. Частный капитал в СССР. М., Л., Государственное издательство.

Larin YU. 1927. S'hnastnyj kapital v SSSR [Private capital in the USSR]. M., L., Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

56. Лебедев В.Е. 2000. Налоговое регулирование развития предпринимательской деятельности в Российской Федерации: Дис. ... канд. эконом. наук. М.

Lebedev V.E. 2000. Nalogovoe regulirovanie razvitiya predprinimatel'skoj deyatelnosti v Rossijskoj Federacii [Tax regulation of business development in the Russian Federation]: Dis. ... kand. ehkonom. nauk. M.

57. Лейкина С.А. 2004. Промыслы и кустарное производство Иркутской губернии в конце XIX – первой трети XX в.: Дис. ... канд. истор. наук. Иркутск.

Lejkina S.A. 2004. Promysly i kustarnoe proizvodstvo Irkutskoj gubernii v konce XIX – pervoj treti XX v. [Crafts and handicraft production of the Irkutsk province at the end of XIX – the first third of XX century.]: Dis. ... kand. istor. nauk. Irkutsk.

58. Ленин В.И. 1969. О кооперации / Избранные произведения. Том 3. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, М.: Издательство политической литературы.

Lenin V.I. 1969. O kooperacii / Izbrannye proizvedeniya [About cooperation / Selected works]. Tom 3. Institut marksizma-leninizma pri CK KPSS, M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.

59. Лопашенко Н. 1997. Разграничение лжепредпринимательства и мошенничества. Законность. № 9 (755).

Lopashenko N. 1997. Razgranichenie lzhepredprinimatel'stva i moshennichestva [The differentiation of pseudo-entrepreneurship, and fraud]. Zakonnost' [Legality]. № 9 (755).

60. Малченко В. 1923. Вопросы кооперативного права. Право и жизнь. Книга первая. М.: Издательство «Право и жизнь».
- Malchenko V. 1923. Voprosy kooperativnogo prava [Corporate law issues]. Pravo i zhizn'. Kniga pervaya [Right and life. Book one]. M.: Izdatel'stvo «Pravo i zhizn'».
61. Маматханова Е.В. 2004. Криминалистические и правовые проблемы расследования незаконного предпринимательства и лжепредпринимательства: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград.
- Mamathanova E.V. 2004. Kriminalisticheskie i pravovye problemy rassledovaniya nezakonnogo predprinimatel'stva i lzhepredprinimatel'stva [Criminalistic and legal problems of investigation of illegal entrepreneurship and pseudo-entrepreneurship]: Dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd.
62. Мебель М.А. 1922. Законодательство Советской власти по кооперации. М.: Издание В.Ц.С.П.О.
- Mebel' M.A. 1922. Zakonodatel'stvo Sovetskoj vlasti po kooperacii [Legislation of the Soviet power on cooperation]. M.: Izdanie V.C.S.P.O.
63. Меркулов А.В. 1918. Вопросы кооперативного движения в России. Петроград, Мысль.
- Merkulov A.V. 1918. Voprosy kooperativnogo dvizheniya v Rossii [Issues of cooperative movement in Russia]. Petrograd, My'sl'.
64. Николаев А.А. 2000. Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе (1920 – середина 1930-х гг.): Дис. ... докт. истор. наук. Новосибирск.
- Nikolaev A.A. 2000. Melkaya promyshlennost' i kustarnye promysly Sibiri v sovetskoj kooperativnoj sisteme (1920 – seredina 1930-h gg.) [Small-scale industry and Handicrafts of Siberia in the Soviet cooperative system]: Dis. ... dokt. istor. nauk. Novosibirsk.
65. Никонов И.И. 1999. Кооперативное движение России в 30 – 50 годы XX века: Дис. ... докт. истор. наук. Кострома.
- Nikonov I.I. 1999. Kooperativnoe dvizhenie Rossii v 30 – 50 gody XX veka [Cooperative movement of Russia in 30 – 50 years of XX century]: Dis. ... dokt. istor. nauk. Kostroma.
66. Новоселова С.С. 2003. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с незаконным предпринимательством: Дис. ... канд. юрид. наук. М.
- Novoselova S.S. 2003. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie mery bor'by s nezakonnym predprinimatel'stvom [Criminal law and criminological measures to combat illegal entrepreneurship]: Dis. ... kand. yurid. nauk. M.
67. Озерецковский Н. 1927. Правовая организация советской кооперации (по источникам СССР и РСФСР). М.: КНИГОСОЮЗ.
- Ozereckovskij N. 1927. Pravovaya organizaciya sovetskoj kooperacii (po istochnikam SSSR i RSFSR) [Legal organization of Soviet cooperation (according to the sources of the USSR and RSFSR)]. M.: KNIGOSOYUZ.
68. Орлов В. 1926. Комсомол и кооперация в деревне. М.: «Новая Москва» Юношеский сектор.
- Orlov V. 1926. Komsomol i kooperaciya v derevne [The young Communist League and cooperation in the village]. M.: «Novaya Moskva» YUnosheskij sektor.
69. Осипов В.А. 2002. Частная хозяйственная деятельность в советской экономике в 1945 – 1960 гг. (на материалах Западной Сибири): Дис. ... канд. истор. наук. Кемерово.
- Osipov V.A. 2002. Chastnaya hozyajstvennaya deyatel'nost' v sovetskoj ehkonomike v 1945 – 1960 gg. (na materialah Zapadnoj Sibiri) [Private economic activity in the Soviet economy in 1945 – 1960 (on the materials of Western Siberia)]: Dis. ... kand. istor. nauk. Kemerovo.
70. Оскарович 1930. Лжекооперация. Из залы суда. Советская юстиция. № 11.
- Oskarovich 1930. Lzhekooperaciya. Iz zaly suda [False surgery. From the courtroom]. Sovetskaya yusticiya [Soviet justice]. № 11.
71. Панга Е.В. 2008. Частная предпринимательская деятельность в годы новой экономической политики (1921 – 1928): на материалах Саратовского Поволжья: Дис. ... канд. истор. наук. Саратов.
- Panga E.V. 2008. Chastnaya predprinimatel'skaya deyatel'nost' v gody novej ehkonomicheskoy politiki (1921 – 1928): na materialah Saratovskogo Povolzh'ya [Private business activity in the years of the new economic policy (1921 – 1928): on the materials of the Saratov Volga region]: Dis. ... kand. istor. nauk. Saratov.
72. Пекарский В.Ф. К вопросу об экономических принципах кооперации и юридическом определении кооператива. С-Петербург, Отдельный оттиск из Журнала «Вестник кооперации». 1913. № 5.

Pekarskij V.F. K Voprosu ob ehkonomicheskikh principah kooperacii i yuridicheskom opredelenii kooperativa [On the Issue of economic principles of cooperation and legal definition of the cooperative]. S-Peterburg", Otdel'nyj ottisk iz ZHurnala «Vestnik kooperacii» [Separate print from the Journal "Bulletin of cooperation"]. 1913. № 5.

73. Поволоцкий Л.И. 1922. Русское кооперативное законодательство: Пособие для слушателей кооперативных курсов и работников кооперации. Пг.

Povolockij L.I. 1922. Russkoe kooperativnoe zakonodatel'stvo: Posobie dlya slushatelej kooperativnyh kursov i rabotnikov kooperacii [Russian cooperative legislation: a Guide for students of cooperative courses and workers' cooperative societies]. Pg.

74. Подольский И.М. 1915. Кооперативные товарищества в России, какая от них польза и как их устраивать. Петроград.

Podol'skij I.M. 1915. Kooperativnye tovarishchestva v Rossii, kakaya ot nih pol'za i kak ih usttraivat' [Cooperative partnerships in Russia, what are their benefits and how to arrange them]. Petrograd.

75. Привалов К.П. 1998. Теневая экономика в демократическом и тоталитарном государстве: Дис. ... докт. юрид. наук. СПб.

Privalov K.P. 1998. Tenevaya ehkonomika v demokraticheskom i totalitarnom gosudarstve [Shadow economy in a democratic and totalitarian state]: Dis. ... dokt. yurid. nauk. SPb.

76. Проверка кооперативного характера организаций. Еженедельник Советской Юстиции. 1926. № 35.

Proverka kooperativnogo haraktera organizacij [Verification of the cooperative nature of organizations]. Ezhenedel'nik Sovetskoj YUsticii [The Weekly of The Soviet Justice]. 1926. № 35.

77. Прокопович С.Н. 1903. Кооперативное движение в России. СПб., Издание Е.Д. Кусковой.

Prokorovich S.N. 1903. Kooperativnoe dvizhenie v Rossii [Cooperative movement in Russia]. SPb., Izdanie E.D. Kuskovoj.

78. Прокопович С.Н. 1919. Кооперативные товарищества и их классификация. М.

Prokorovich S.N. 1919. Kooperativny'e tovarishhestva i ix klassifikaciya [Cooperative partnerships and their classification]. M.

79. Рассказова Н.В. 2000. Предпринимательская деятельность в Пензенской губернии в годы нэпа 1921 – 1927 гг.: Дис. ... канд. истор. наук. М.

Rasskazova N.V. 2000. Predprinimatel'skaya deyatel'nost' v Penzenskoj gubernii v gody nehpa 1921 – 1927 gg. [Entrepreneurial activity in Penza province in the years of NEP 1921 – 1927]: Dis. ... kand. istor. nauk. M.

80. Редькина О.Ю. 2004. Сельскохозяйственные религиозные трудовые коллективы в 1917-1930 гг.: на материалах Европейской части РСФСР: Дис. ... канд. истор. наук. Волгоград.

Red'kina O.YU. 2004. Sel'skohozyajstvennye religioznye trudovye kollektivy v 1917-1930 gg.: na materialah Evropejskoj chasti RSFSR [Agricultural religious labor collectives in 1917-1930: on the materials of the European part of the RSFSR]: Dis. ... kand. istor. nauk. Volgograd.

81. Рогинский Г.К., Строгович М.С. 1926. Уголовный суд и преступления в кооперации. Юридическое издательство Наркомюста РСФСР. М.

Roginskij G.K., Strogovich M.S. 1926. Ugolovny'j sud i prestupleniya v kooperacii [Criminal court and crimes in cooperation]. Yuridicheskoe izdatel'stvo Narkomyusta RSFSR. M.

82. Сидорова Ю.А. 2011. Отечественная промысловая кооперация в контексте социалистического преобразования общественного хозяйства (1920-е годы): проекты и реальность: Дис. ... канд. истор. наук. Мытищи.

Sidorova YU.A. 2011. Otechestvennaya promyslovaya kooperaciya v kontekste socialisticheskogo preobrazovaniya obshchestvennogo hozyajstva (1920-e gody): proekty i real'nost' [Domestic trade cooperation in the context of the socialist transformation of the social economy (1920s): projects and reality]: Dis. ... kand. istor. nauk. Mytishchi.

83. Скорилкина Н., Дадонов С., Анненков А. 2000. Разграничение лжепредпринимательства и мошенничества. Законность. № 10 (792).

Skorilkina N., Dadonov S., Annenkov A. 2000. Razgranichenie lzhepredprinimatel'stva i mo-shennichestva [The differentiation of pseudo-entrepreneurship, and fraud]. Zakonnost' [Legality]. № 10 (792).

84. Советское право и кооперация. Вестник Советской Юстиции. 1924. № 8(18).

Sovetskoe pravo i kooperaciya [Soviet law and cooperation]. Vestnik Sovetskoj YUsticii [Bulletin of The Soviet Justice]. 1924. № 8(18).

85. Станиславский П.Я. 1924. Правовое положение кустарно-промысловой кооперации на Украине. Вестник Советской Юстиции. № 8(18).

Stanislavskij P.YA. 1924. Pravovoe polozhenie kustarno-promyslovoj kooperacii na Ukraine [The legal situation of handicraft producers' cooperatives in Ukraine]. Vestnik Sovetskoj YUsticii [Bulletin of The Soviet Justice]. № 8(18).

86. Стучка П.И. 1929. Курс советского гражданского права. Том II. Общая часть гражданского права. М.: Издательство коммунистической академии.

Stuchka P.I. 1929. Kurs sovetskogo grazhdanskogo prava. Tom II. Obshchaya chast' grazhdanskogo prava [The course of Soviet civil law. Volume II. General part of civil law]. М.: Izdatel'stvo kommunisticheskoy akademii.

87. Суверов Е.В. 2006. Социально-экономическое развитие сибирской деревни (конец 1919 – 1929 гг.): Дис. ... канд. истор. наук. Кемерово.

Suverov E.V. 2006. Social'no-ehkonomicheskoe razvitie sibirskoj derevni (konec 1919 – 1929 gg.) [Socio-economic development of the Siberian village]: Dis. ... kand. istor. nauk. Kemerovo.

88. Твердюкова Е.Д. 2011. Внутренняя торговля и ее государственное регулирование в СССР (конец 1920 – середина 1950-х гг.): Дис. ... докт. истор. наук. СПб.

Tverdyukova E.D. 2011. Vnutrennyaya trgovlya i ee gosudarstvennoe regulirovanie v SSSR (konec 1920 – seredina 1950-h gg.) [Internal trade and its state regulation in the USSR]: Dis. ... dokt. istor. nauk. SPb.

89. Тотомианц В.Ф. 1918. Теория кооперации. Курс лекций, читанных в Университет и Коммерческом институте. М., Издание Книгоиздательства «Свобода»,

Totomianc V.F. 1918. Teoriya kooperacii. Kurs lekcij, chitannyh v Universitet i Kommercheskom institute [Theory of cooperation. Course of lectures delivered at the University and Commercial Institute]. М., Izdanie Knigoizdatel'stva «Svoboda».

90. Тотомианц В.Ф. 1924. Сущность кооперации и ее достижения. Кооперация и сельское хозяйство. Записки Русского Института Сельско-Хозяйственной Кооперации в Праге. Книга I. Прага.

Totomianc V.F. 1924. Sushchnost' kooperacii i ee dostizheniya [The essence of cooperation and its achievements]. Kooperaciya i sel'skoe hozyajstvo. Zapiski Russkogo Instituta Sel'sko-Hozyajstvennoj Kooperacii v Prage [Cooperation and agriculture. Notes of the Russian Institute of Agricultural Cooperation in Prague]. Kniga I. Praga,

91. Тотомианц В.Ф. 1961. Кооперация (История, принципы, формы, значение). Frankfurt/Mein, Possev-Verlag.

Totomianc V.F. 1961. Kooperaciya (Istoriya, principy, formy, znachenie) [Cooperation (History, principles, forms, meaning)]. Frankfurt/Mein, Possev-Verlag.

92. Тошева М.С. 2008. Деятельность государственных органов по борьбе с экономической преступностью в условиях «военного коммунизма» и нэпа: Дис. ... канд. истор. наук. Курск.

Tosheva M.S. 2008. Deyatel'nost' gosudarstvennyh organov po bor'be s ehkonomicheskoy prestupnost'yu v usloviyah «voennogo kommunizma» i nehpa [Activities of state bodies to combat economic crime in the conditions of "war communism" and NEP]: Dis. ... kand. istor. nauk. Kursk.

93. Трайнин А.Н. 1938. Должностные и хозяйственные преступления. М., Юридическое издательство НКЮ СССР.

Trajnin A.N. 1938. Dolzhnostny`e i hozyajstvenny`e prestupleniya [Official and economic crimes]. М., Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR.

94. Тычинин С.В. 2004. Гражданско-правовое регулирование потребительской кооперации в России. СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России.

Tuchinin S.V. 2004. Grazhdansko-pravovoe regulirovaniya potrebitel'skoj kooperacii v Rossii [Civil law regulation of consumer cooperation in Russia]. SPb., Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.

95. Туган-Барановский М.И. 1914. Курсы по кооперации. Экономическая природа кооперативов и их классификация. Издание второе. Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского. М.

Tugan-Baranovskij M.I. 1914. Kursy` po kooperacii. E`konomicheskaya priroda kooperativov i ix klassifikaciya [Courses in the societies. The economic nature of cooperatives and their classification]. Izdanie vtoroje. Moskovskij gorodskoj narodny`j universitet imeni A.L. Shanyavskogo. М.

96. Туган-Барановский М.И. 1918. Социальные основы кооперации. Издание второе. Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского. М.

Tugan-Baranovskij M.I. 1918. Social'nye osnovy kooperacii [Social bases of cooperation]. Izdanie vtoroje. Moskovskij gorodskoj narodnyj universitet imeni A.L. Shanyavskogo. М.

97. Устинова Т.Д. 2003. Уголовная ответственность за лжепредпринимательство. М.: НОРМА.

Ustinova T.D. 2003. Ugolovnaya otvetstvennost' za lzhepredprinimatel'stvo [Criminal liability for pseudo-entrepreneurship]. M.: NORMA.

98. Фабричный Анд. 1930. Частный капитал на пороге пятилетки. М.: Издательство Коммунистической академии.

Fabrichnyj And. 1930. SChastnyj kapital na poroge pyatiletki [Private capital on the threshold of five years]. M.: Izdatel'stvo Kommunisticheskoj akademii.

99. Файн Л.Е. 2002. Российская кооперация: историко-теоретический очерк 1861 – 1930. Иваново, Издательство «Ивановский государственный университет».

Fajn L.E. 2002. Rossijskaya kooperaciya: istoriko-teoreticheskij ocherk 1861–1930 [Russian cooperation: a historical-theoretical essay]. Ivanovo, Izdatel'stvo «Ivanovskij gosudarstvennyj universitet».

100. Фромметт Б. 1930. Дикие артели и лжекооперативы. Вестник промысловой кооперации. № 4. Frommett B. 1930. Dikie arteli i lzheoperativy [Wild artels and cooperatives]. Vestnik promyslovoj kooperacii [Bulletin of the fisheries cooperative societies]. № 4.

101. Хейсин М. 1915. Кооперативное законодательство в России. Петроград, Типография т-ва «Наш век».

Hejsin M. 1915. Kooperativnoe zakonodatel'stvo v Rossii [Cooperative legislation in Russia]. Petrograd, Tipografiya t-va «Nash vek».

102. Хейсин М. 1926. История кооперации в России. Ленинград, Издательство «Время».

Hejsin M. 1926. Istoriya kooperacii v Rossii [History of cooperation in Russia]. Leningrad, Izdatel'stvo «Vremya».

103. Хижняков В. 1925. О природе кооперации. Право и жизнь. Книги 7-8.

Hizhnyakov V. 1925. O prirode kooperacii [On the nature of cooperation]. Pravo i zhizn' [Law and life]. Knigi 7-8.

104. Храевич К. 1924. Схема участия государства, капитала и кооперации в восстановлении народного хозяйства в России. Кооперация и сельское хозяйство. Записки Русского Института Сельско-Хозяйственной Кооперации в Праге. Книга I. Прага.

Hranevich K. 1924. Skhema uchastiya gosudarstva, kapitala i kooperacii v vosstanovlenii narodnogo hozyajstva v Rossii [The scheme of participation of the state, capital and cooperation in the restoration of the national economy in Russia]. Kooperaciya i sel'skoe hozyajstvo. Zapiski Russkogo Instituta Sel'sko-Hozyajstvennoj Kooperacii v Prage [Cooperation and agriculture. Notes of the Russian Institute of Agricultural Cooperation in Prague]. Kniga I. Praga.

105. Храевич К. 1924. Строительство русской кооперации по союзной линии. Кооперация и сельское хозяйство. Записки Русского Института Сельско-Хозяйственной Кооперации в Праге. Книга II. Прага, Книгоиздательство «Пламя».

Hranevich K. Stroitel'stvo russkoj kooperacii po soyuznoj linii [The construction of the Russian cooperation in the allied lines]. Kooperaciya i sel'skoe hozyajstvo. Zapiski russkogo instituta sel'sko-hozyajstvennoj kooperacii v Prage [Cooperation and agriculture. Notes of the Russian Institute of Agricultural Cooperation in Prague]. Kniga II. Praga, Knigoizdatel'stvo «Plamya», 1924.

106. Царикаев А.Т. 2004. Частный капитал г. Владикавказа (1921-1930 гг.): Дис. ... канд. истор. наук. Владикавказ.

Carikaev A.T. 2004. SChastnyj kapital g. Vladikavkaza (1921-1930 gg.) [Private capital of Vladikavkaz]: Dis. ... kand. istor. nauk. Vladikavkaz.

107. Циркуляр № 66 от 30 апреля 1928 г. «О мерах борьбы с лжекооперативами». Ежедельник Советской Юстиции. 1928. № 16.

Circular № 66 of April 30, 1928 "On measures to combat pseudo-operatives". The Weekly of The Soviet Justice. 1928. № 16.

108. Цыренов Б.Д. 2000. История промысловой кооперации в Бурят-Монгольской АССР (1923-1960 гг.): Дис. ... канд. истор. наук. Улан-Удэ.

Surenov B.D. 2000. Istoriya promyslovoj kooperacii v Buryat-Mongol'skoj ASSR (1923-1960 gg.) [History of commercial cooperation in the Buryat-Mongolian ASSR]: Dis. ... kand. istor. nauk. Ulan-Udeh.

109. Чемоданов И.В. 2005. Вятское крестьянство в период нэпа (1921-1929 гг.): Дис. ... канд. истор. наук. Киров.

SChemodanov I.V. 2005. Vyatskoe krest'yanstvo v period nehpa (1921-1929 gg.) [Vyatka peasantry during the NEP]: Dis. ... kand. istor. nauk. Kirov.

110. Чернышевский Н.Г. 1987. Капитал и труд / Сочинения в двух томах. Том 2. Академия наук СССР. Институт философии. Издательство «Мысль». М.,

Cherny'shevskij N.G. 1987. Kapital i trud / Sochineniya v dvux tomah [Capital and labour / Works in two volumes]. Tom 2. Akademiya nauk SSSR. Institut filosofii. Izdatel'stvo «My'sl'». M.

111. Чичулин А.В. 1998. Крестьянская кооперация в Западной Сибири в условиях НЭПа (1921-1929 гг.): Дис. ... канд. истор. наук. Омск.

Chichulin A.V. 1998. Krest'yanskaya kooperatsiya v Zapadnoj Sibiri v usloviyah NEПа (1921-1929 gg.) [Peasant cooperation in Western Siberia in the conditions of NEP]: Dis. ... kand. istor. nauk. Omsk.

112. Шанина А.В. 2012. «Лже» – кооперация и «дикая» кооперация в условиях новой экономической политики (по материалам Пензенской губернии). Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. № 27.

Shanina A.V. 2012. «Lzhe» – kooperatsiya i «dikaya» kooperatsiya v usloviyah novoj ehkonomicheskoy politiki (po materialam Penzenskoj gubernii). Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo ["False" – cooperation and "wild" cooperation in the new economic policy (based on the materials of the Penza province). Proceedings of Penza state pedagogical University named after V. G. Belinsky]. Gumanitarnye nauki [Humanities]. № 27.

113. Штапель Е. 1923. Основные вопросы кодификации кооперативного законодательства. Вестник Советской Юстиции. № 5.

Shandel' E. 1923. Osnovnye voprosy kodifikatsii kooperativnogo zakonodatel'stva [The main issues of codification of cooperative legislation]. Vestnik Sovetskoy YUsticii [Bulletin of The Soviet Justice]. № 5.

114. Штейнберг В. 1929. Ответственность за долги участников товариществ, признанных лжекооперативными. Еженедельник Советской Юстиции. № 16.

Shtejnb erg V. 1929. Otvetstvennost' za dolgi uchastnikov tovarishchestv, priznannyh lzhekooperativnymi [Responsibility for the debts of the participants of partnerships recognized as pseudo-cooperative]. Ezhenedel'nik Sovetskoy YUsticii [The Weekly of The Soviet Justice]. № 16.

115. Элькинд Ю. 1928. Меры борьбы с лжекооперацией. Вестник промысловой кооперации. № 3-4 (56-57).

Ehl'kind Yu. 1928. Mery bor'by s lzhekooperatsiej [Measures to combat false surgery]. Vestnik promyslovoj kooperatsii [Bulletin of the fisheries cooperative societies]. № 3-4 (56-57).

116. Яворский Юр. 1925. Кооперативная собственность. Вестник Советской Юстиции. № 8(42).

YAvorskij YUr. 1925. Kooperativnaya sobstvennost' [Cooperative property]. Vestnik Sovetskoy YUsticii [Bulletin of The Soviet Justice]. № 8(42).

117. Ягов О.В. 2005. К вопросу о лжекооперативности и «дикости» кооперативов в кустарно-промысловой кооперации Поволжья в период нэпа. Вестник Самарского государственного университета. № 4(38).

Yagov O.V. 2005. K voprosu o lzhekooperativnosti i «dikosti» kooperativov v kustarno-promyslovoj kooperatsii Povolzh'ya v period nehpa [To the question of glucopyranose and "savagery" of cooperatives in handicraft producers ' cooperatives of the Volga region in the period of NEP]. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Samara state University]. № 4(38).

118. Ягов О.В. 2009. Кустарно-промысловая кооперация Поволжья в условиях нэпа: Дис. докт. истор. наук. Самара.

YAgov O.V. 2009. Kustarno-promyslovaya kooperatsiya Povolzh'ya v usloviyah nehpa [Handicraft and trade cooperation of the Volga region in the conditions of NEP]: Dis. dokt. istor. nauk. Samara. Samara.

119. Яковлев А.Н. 1990. Реализм – земля перестройки: Избранные выступления и статьи. М.: Политиздат.

YAkovlev A.N. 1990. Realizm – zemlya perestrojki: Izbrannye vystupleniya i stat'i [Realism – the land of perestroika: Selected speeches and articles]. М.: Politizdat.

Ссылка для цитирования статьи Reference to article

Габов А.В. 2019. Лжекооперативы в истории отечественного права. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (2): 262–293. DOI: 10.18413/2075-4566-2019-44-2-262-293

Gabov A.V. 2019. Fictive cooperatives in the history russian law. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Lawseries. 44 (2): 262–293. (in Russian). DOI: 10.18413/2075-4566-2019-44-2-262-293